

Русский принц

I

Самое удивительное в этой перевернувшей мою жизнь истории случилось в тот день, когда пришло письмо от Ариадны, и когда я должен был встретиться с бароном фон Риттером. Впрочем, всё началось немного раньше, утром семнадцатого июня с неурочного звонка моей сумасбродной сестры-путешественницы.

-...Рома, ты – теленок, рохля, размазня...

Ариадна как обычно говорила то, что думает и в глаза собеседнику. Хотя на это раз собеседник спрятал от нее свои глаза, закрыл лицо руками. Не от стыда, боже упаси, из-за полного отсутствия сил. Просто моя не проснувшаяся толком голова без опоры неминуемо падала на клавиатуру. Ариадна позвонила в несусветную рань, в половине шестого. Разбудила и категорично потребовала включить компьютер - пожелала посредством широкоформатного скайпа выразить несчастному младшему брату свою безграничную любовь.

-...Рома, ты меня слушаешь?

-Угу, - я слабо качнулся в направлении монитора. - Весь во внимании.

На самом деле соображалось мне плохо, туго. Очень хотелось спать. Но Ариадну не интересовало, как поздно я лег, и тем более она не придавала значения тому, что ее полуголый заторможенный брат находится в сумеречной европейской части России. Я – в России, она – на берегу Индийского океана. Там, где рассвет наступает раньше на два с половиной часа. То есть у нее в отличие от меня было уже целых восемь утра. Восемь утра плюс чашка дымящегося кофе, а также - судя по глазам и голосу - отличное боевое настроение. Хотя, боевое настроение у Ариадны всегда.

-Разбудила, чтобы оскорблять? – процедили мои зажатые ладонями губы. Попробовал убрать руки от лица, но его тотчас как магнитом потянуло к столу.

-Я разбудила тебя для нашей общей пользы, - без капли раскаяния сообщила Ариадна.

Мог и не спрашивать: всё, что делает моя любимая сестра, всегда для пользы. Иногда для ее собственной, изредка для моей, но чаще – для общей.

-Рома, мне нужно было на тебя посмотреть! В девять мы с Гришкой уезжаем в Бангалор и дальше в джунгли. Что там со связью, не знаю.

-Скатертью дорога. Только зачем тебе на меня смотреть? Не насмотрелась за шестнадцать лет?

-Не нудите, Ваше высочество.

-Сиятельство.

-Пардон, обмишурилась, не велите казнить, Ваше сиятельство! – съязвила Ариадна. – Но я должна видеть в каком Вы состоянии, Вы все-таки на моем попечении, милый князь.

-О, о, о.

-Никаких «О, о, о»! Ну-ка, встань, поработай конечностями, покажи, все ли кости целы. Не важно, что я далеко, все равно я за тебя отвечаю. Перед совестью сестры и перед мамой.

Разумеется, я не встал, никакими конечностями не поработал, но нудить прекратил. Отчасти Ариадна была права, имелись у нее такие полномочия – за младшим братом присматривать: от хворей беречь, кормить, следить за тем, чтобы я хорошо сдал экзамены и прочее, прочее, прочее. Весь этот Эверест ответственности на нее возложила наша мама, уезжая два месяца назад в Америку.

-Рома, я реально беспокоюсь о тебе. Поэтому слушай сюда...

Дальше я узнал, что Ариадну беспокоили не столько мои конечности, сколько мой «монашеский» образ жизни и мои планы на будущее. Как обычно. Конкретно утром семнадцатого июня Ариадну волновали два предстоящих в моей жизни события. Первое, это – выпускной вечер по случаю окончания девятого класса, а второе – визит к Борисоглебским.

Надо заметить, мои планы интересовали сестру регулярно и со страшной силой. Ее внимание накатывало на незащитного меня штормовыми волнами, на которых я кувырчался как кусок пенопласта. Жизнь Ариадны, а заодно и попадавших в ее орбиту людей, вообще бурлила камчатским гейзером, норвежским водоворотом Мальстрём.

Итак, выпускной. Согласно требованиям Ариадны там я должен был наконец-то поцеловать хоть какую-нибудь девушку и без удержу танцевать. Медленные танцы всенепременно.

-Кому все это нужно, sister?

-Тебе это нужно, Рома. А за других не думай. Ты еще слишком мал, чтобы думать за других.

-Мне это не нужно.

-Не хочешь девушку поцеловать? Врешь, хочешь. Ну, а после того, как поцелуешься, сразу танцевать потянет.

Ладно, это был пустой разговор, а вот на Борисоглебских Ариадна мне в то утро глаза приоткрыла. Сознаюсь, не сразу я сестриным речам поверил, да только будущее их не опровергло.

Борисоглебские – мамины знакомые, и вечером двадцать седьмого – то есть на десятый день после нашего с Ариадной разговора – я собирался к ним в гости. Обязательства заставляли.

Этот странный визит был намечен давно, еще весной. Только тогда планировалось, что к Борисоглебским я пойду с мамой. Точнее, пойдет она и возьмет меня с собой. А так как мама уехала, то отдуваться за нее и ее обещания предстояло мне в гордом одиночестве. Отменять мероприятие Борисоглебские наотрез отказывались, и мама взяла с меня слово, что я не проигнорирую сей великосветский раут.

С одной стороны идти в гости к малознакомым людям не очень хотелось, но сильно упрямыться я все же не стал. Ведь жизнь у меня и без того – застоявшееся болото, как утверждают некоторые, у которых жизнь – камчатский гейзер.

-Рома, тебе не надо ходить к этим людям! – категорично сказала Ариадна, наклонившись к камере так, что чуть не выскочила на меня из монитора.

-Были даны твердые обещания... - сквозь пальцы я завистливо смотрел на чашку кофе в ее руке. - Если ты помнишь, у Борисоглебских будет герольдмейстер из Франкфурта барон фон Риттер, а также другие важные люди. И поскольку мама не может, я буду представлять наш род...

-Ты бредишь, Рома.

-Я спать хочу, а ты меня мучаешь. И кофе хочу.

-Так иди, налей. Хотя, стой! Не ходи. А то уйдешь и уснешь на кухне. Рома, знаю я этих Борисоглебских, психушка по ним плачет. Они реально помешались на дворянских корнях, герольдмейстерах и прочей шелухе. Как мама в свое время. Только у мамы это прошло, слава богу, а у Борисоглебских никогда не пройдет. Они – зомби. Причем были бы какими-нибудь Голицыными-Оболенскими, а то ведь, судя по фамилии, поповичи. Поверь мне, я в теме. Такие фамилии безродным семинаристам давали. По названию первой попавшейся на глаз иконы. Попала на глаза икона Святых благоверных Бориса и Глеба, и пошлепал по земле русской зачинатель рода Борисоглебских...

Мне уже по силам было поддерживать голову одной рукой, поэтому другой, свободной я сумел отмахнуться: «Ну и пусть».

-...Рома! Не знаю, как они в дворяне записались, но сейчас у чокнутых на своем аристократизме Борисоглебских одна цель – породниться с потомками Рюрика, то есть - с вами, князьями Телятевскими. Женить они тебя, олуха небесного на своей дочке хотят. Неужели до вас с мамой это еще не дошло? Так что вот тебе мой совет, князюшка: забудь к Борисоглебским дорогу. Пока не поздно. Пока не окрутили тюфяка эдакого!

-Как они меня женят? Мне до восемнадцати еще два года.

-Вот проблема! Восемнадцати нет, а необходимые для семейной жизни органы есть. Устроят Борисоглебские тебе с их дочкой романтическое свидание в безлюдно-замкнутом пространстве, разыграет на этом свидании в ваших юных членах ретивое, и девочка окажется в положении. Что ты глазками хлопаешь? Дурное дело нехитрое. Борисоглебские пустят по миру слушок, нашепчут о том, что случилось, дворянскому собранию, кагалу вашему, надавят на маму, и ты как честный человек тире дворянин посватаешься да женишься. Женишься, несмотря на то, что тебе до восемнадцати еще два года. Ты же теленок телятевский, Рома. Рохля и тюфяк. Глаз да глаз за тобой!

Я давно привык к тому, что иногда – для моей или общей пользы - Ариадна кроет меня, на чем свет стоит, разит словом немилосердным.

Она не только со мной, со всеми такая – прямая и жесткая как бамбуковая удочка, резкая как хлыст надсмотрщика и бесцеремонная как кулак хорошего боксера.

«Пока по вам на тракторе не проедешь, вы не пошевелись, не сделаете свою жизнь лучше!» - кому угодно такое сказать может. Любого зазевавшегося проработает. Своими глазами видел, как двухметровые парни перед ней, коротышкой по стойке смирно стояли, пикнуть не смели.

Есть в моей сестре редкая сила. Способность людьми управлять. Не помыкать, нет, ни в коем случае. Ариадна человек честный, порядочный и справедливый. Просто она - руководитель. Такие в революцию комиссарили, красноармейцев из окопа на белогвардейские штыки и махновские пулеметы поднимали.

Я не такой. Я ее противоположность. И если Ариадна сильная, то я, получается, слабовольный. Мы с родной сестрой совсем не похожи. Кровь одна, а мы – как луна и солнце, лед и пламя. Неполных три года разницы и совершенно разные характеры.

Еще она брюнетка с хищным орлиным носом и у нее другая фамилия - Ааронзон. Ариадна – еврейка.

А я – потомок древнего княжеского рода Телятевских. Рюрикович! Да, да, из тех самых, что от легендарного основателя древнерусского государства варяга Рюрика род свой ведут. Мои предки – на каждой странице учебника истории: Владимир Креститель и его жестокосердная бабка Ольга, Ярослав Мудрый и Юрий Долгорукий, Дмитрий Донской и Иван Калита. Всех перечислять, умом тронешься.

Только для меня эти именитые родственники не предмет гордости. Я же не маленький ребенок. Это малышня хвастается папой-начальником да дедушкой-генералом.

Мало ли у кого какие предки были, хоть Рюрик, хоть Бонапарт, хоть Достоевский с Пушкиным. Нужно самому личностью быть, а не чьим-то сыном и уж тем более пра-пра-правнуком.

Меня, если задуматься, вообще пожалеть стоит. Потому что мне ото всех этих накопившихся за тысячелетие самодержцев, покорителей, братоубийц и святителей гремучий набор генов достался. И праведных, и грешных. Что-то от Александра Невского, а что-то от Святополка Окаянного. Иной раз сделаешь ту или иную глупость и теряешься в догадках, какой князь-боярин заразой слабоумия наградил? Или, напротив, совершу доблестный полезный поступок, а важничать, вроде как, смысла нет - не моя в том геройстве заслуга. Не моя, а давно умершего добропорядочного родича. Наследственность, куда денешься!

Хотя Ариадна говорит, что все это вилами на воде писано. И то, что Телятевские – потомки Рюрика, и что у меня гены особенные:

-Рома, послушай умного, образованного человека. Во-первых, не факт, что ты Рюрикович. Знаешь, сколько раз за сотни лет мужские линии настоящих Рюриковичей прерывались? Многократно. Скажем, не было своих сыновей у какого-нибудь князя, так он наследником сына дочери признавал. А еще почитай на досуге летописи, там такое о нравах древнерусских княгинь написано, волосы дыбом встают. Судачат, к примеру, будто Владимир Мономах вовсе не был внуком Ярослава Мудрого, а соответственно, и потомком Рюрика. Дескать, его, Мономаха шведская бабушка Ингигерда больше любила своего соотечественника короля Олафа, нежели законного русского супруга. Это – во-первых. А во-вторых, все живущие на нашей маленькой планете и так происходят от общего предка. Сие - научно доказанный факт. Следовательно, ваш горячо любимый Рюрик – это всеобщий родственник. И нечего на него претендовать пуще остальных. Не уподобляйся Борисоглебским, княжич!

Возможно, Ариадна и права. Только я все равно будто наяву вижу, как дерутся во мне меж собой доставшиеся несчастному Роме Телятевскому гены. Многочисленная рать неугомонных «рюриковичей», этикие крошечные витязи с обоюдоострыми мечами, в золотых шеломах, кольчугах и алых плащах.

В принципе, когда-то наша мама даже не задумывалась над тем, что она принадлежит к древнему княжескому роду. Ну, Телятевская и Телятевская.

Ее родители, мои бабушка с дедушкой вообще всю жизнь коммунистами-атеистами были. Дед на заводе инженерил, а бабушка в институте марксизма-ленинизма преподавала. Князья, называется! Хотя Ариадна как-то сказала, что такие коллизии и до Телятевских случались. Дескать, знаменитый революционер анархист Кропоткин, в честь которого станция метро названа, тоже был князем и тоже Рюриковичем.

Но потом мама с Борисоглебскими познакомилась, и они за нее ухватились. Как выразилась Ариадна: «Охмурили сектанты».

Борисоглебские, как только узнали, что мама из настоящего княжеского рода, стали ее на всякие дворянские собрания водить, с такими же титулованными особами знакомить. Напели ей, что она – богатство России, и что ее долг и долг ее детей стоять в ряду лучших сынов и дочерей отчизны. Помню, Ариадну это сильно позабавило.

-Как хотите, но лично я ни к кому в должники записываться не собираюсь! – заявила она. – Потом, что это такое: княжна-еврейка? Абсурд. Паноптикум. Нет, конечно, в фантазмагоричной истории нашей удивительной родины были случаи, когда иудеям чины и титулы жаловали, тому же книгоиздателю Ефрону, например. Но в дворянские родословные книги их малодушно не заносили. Так что, увольте, родовитые мои родственники, увольте!

Маме же песнопения Борисоглебских по сердцу пришлись, она и сама в ряду лучших сынов-дочерей отчизны постоять не отказалась, и меня с собой прихватила. Да я не сильно тому и противился. Потому что одному все время дома сидеть скучно, сестра - в свободном полете, друзей же у меня кот наплакал. Так сложилось.

А у «дворян» - и развлечения, и новые лица. В этом году, например, я ходил на зимний бал для дворянских детей, был на литературно-музыкальном вечере, а журфикс в библиотеке искусств и выставку художников-дворян вовсе посетил с преогромным удовольствием – люблю живопись, сам рисую.

Наша мама – крутой антикризисный менеджер. Я думаю, что крутой, потому что ее пригласили работать в Штаты, спасти одну транспортную компанию. Хотя Ариадна придерживается насчет всего этого иного мнения. И на счет маминой крутизны, и насчет транспортной компании.

-Туфта. Волнистая лапша на наши детские ушки, - сказала Ариадна еще в аэропорту, когда мы только-только проводили маму. – Что ты рот разинул? Натуральная лапша. Из твердых элитных сортов пшеницы. Какая транспортная компания, Рома? Личную жизнь она подалась устраивать. Здесь не срослось и не срстется. Ты что, в маме до сих пор не разобрался?..

Ну, то, что «не срослось» - очевидно. Чего тут разбираться? Мама шестнадцать лет в бесперебойном разводе. Ни с одним достойным ее мужчиной за эти годы не встретила. Не завела ни с кем серьезные отношения. Даже, несмотря на то, что мы с Ариадной ей в этом не мешали. Ариадна - потому что у нее передовые взгляды, для нее семейные ценности - брак, верность до гроба и прочее - не догма, а предмет обсуждения. Я же маму просто жалел и жалею, на всё соглашался (и впредь соглашусь), лишь бы ей хорошо было.

...Туфта, - повторила Ариадна. – Про загибающуюся без ее гениального менеджмента транспортную компанию мама выдумала, чтобы не ранить наши нежные души. Будто мы ни видим, как она одна жить устала. Перестань морщиться, Рома. Не веришь, что мама сказала неправду? Божешь ты мой!..

Ариадна любит искать правду. При этом сама решает, что правда, а что нет. Может, конечно, снизить и выслушать контраргументы противника, но потом виртуозно разобьет их в пух и прах. Одной левой. Лучше не сопротивляться и для начала вникнуть в то, что она говорит.

...Милый мой простодушный брат, кому в великих и могучих Североамериканских соединенных штатах нужны наши антикризисные менеджеры? Да не только антикризисные, любые менеджеры. Думаешь, там своих не хватает? Не глупи, не заставляй думать о тебе как об идиоте. Это они – американцы, а не бородатый heгг Карл Маркс, придумали окружающий нас капитализм... - Ариадна широко раскинула руки, желая обнять нечто невидимое размером с земной шар, - ...всё, в чем мы теперь бултыхаемся как шишки в проруби. И наших менеджеров-самоучек американцы ни к каким своим транспортным компаниям близко не подпустят. Русские в Америку едут замуж выходить и посуду в ресторанах мыть.

-А Сергей Брин? – возразил я.

-Кто это? - Ариадна скорчила недовольную гримасу. Действительно, кто посмел не вписываться в ее концепцию мироустройства?

-Сергей Брин – основатель Гугла... - я оперативно пошарил в айфоне и зачитал: - Родился в Москве в еврейской семье («Понятно!» – хмыкнула Ариадна), переехавшей на постоянное местожительство в США в 1979 году, когда ему было пять лет...

-Рома, это – другое дело! Не мешай буйабес со щами. Твой Брин был младенцем, когда приехал в Америку. Чистый лист - ни русский, ни американец. Возьми для примера, скажем, любого пятилетнего монгольца...

-Монгола.

-Нехай, монгола. Не в обиду ему с его соплеменникам, но далеки они от западной цивилизации. Так вот, перевези этого монгольчика в Штаты и через десять-пятнадцать лет он станет законченным, плотно упакованным в звездно-полосатый флаг янки: белозубая улыбка, «How are you?», гамбургер, кола. Думать забудет про могилу Чингисхана и лошадь Пржевальского. А над ватным дедушкиным халатом чисто поржёт. Так что не рассказывай мне про Бриана. Ты еще Милу Кунис вспомни и Милу Йовович. И Леонардо ди Каприо.

-Он-то причем?

-Кажется, у него бабушка русская. Тоже, наверное, когда-то приехала «транспортную компанию спасать».

Не знаю, может, Ариадна и права, и мама, в самом деле, отправилась в Штаты устраивать личную жизнь. По крайней мере, когда вернется, не сообщила. Пожала плечами, развела руками, поглядела вдаль и сказала, что всё очень сложно. Потом еще раз пожала плечами, загадочно улыбнулась и оставила нам кучу денег.

-Года на два при умеренных расходах, – равнодушно констатировала Ариадна.

С тех пор мама общалась с нами исключительно по скайпу. Пару раз даже удавалось устроить семейные, по выражению острой на язык сестры, «видеопосиделки». Тогда мама умудрилась застать дома нас обоих. При этом сама она выходила на связь с лэптопа из своей заокеанской квартиры, а мы лицезрели ее на большом мониторе стационарного домашнего компьютера. Но гораздо чаще приходилось смотреть друг на друга с экранов смартфонов и на ходу.

Однако после того, как Ариадна тайно и вопреки родительскому запрету оставлять младшего брата без присмотра умотала в Индию, устраивать семейные видеопосиделки стало невозможно.

-Будем связываться в режиме конференции? – Ариадна озаботилась данным вопросом в последнюю минуту, перед самым отъездом. Озадаченно хмыкнула и почесала затылок. – Глупо. Значит, скажем маме, что я уехала на практику. Скажем же, Рома?

Куда мне было деваться? Я пообещал, что не выдам обуреваемую чувствами (потому думающую не головой, а сердцем) сестру и умолчу про ее скоропалительную самовольную отлучку в далекую полную неожиданностей Индию. С грустью пообещал. Врать маме мне совсем не хотелось.

Конечно, в детстве все обманывали родителей. Иногда того настойчиво требовали обстоятельства. А что было делать, если ты гулял не там, где разрешали и даже там, где категорически запрещали. Ложь в этом случае, безусловно, во благо. Иначе мама могла перенервничать и кинуться пить успокоительное. Разумеется, не стыдно соврать, что в обед ел и суп и кашу, что отнес цветы на Первое сентября, не сказать про двойку или про то, что получил клюшкой в нос ...

Нет, врать не всегда стыдно, но для меня всегда тяжело. Я честный. Мне просто претит говорить неправду. Лучше ничего не скажу, лучше спрячусь от расспросов. Совру иной раз по мелочи, переборю себя, а потом так плохо на душе. И не потому, что боюсь разоблачения, а потому что врать - это не мое. Для меня врать – как муху проглотить.

А тут подписался на обман. Ариадна вынудила. Она может. Она кого угодно, что угодно сделать заставить может. Она сильная духом, твердая, упертая. Бульдозер, прущий к цели. Впрочем, к чести Ариадны, цели у нее, как правило, неплохие. Может, шальные порой. Иной раз задумает нечто эдакое, все ее отговаривают, твердят: «Глупо, небезопасно, напрасно», а она не тормозит, не сворачивает и в итоге добивается своего. От чего потом всем только лучше становится.

Может, она и насчет выпускного была права? Может, мне действительно следовало поцеловать кого-нибудь, танцы танцевать, держать себя раскованно, играть в подвижные и неподвижные игры, перетягивать канат, лупцевать одноклассников подушкой, ходить на ходулях и бегать за мячом? То есть выполнить продиктованную Ариадной программу от и до. Только сейчас сожалеть о том, что я ровным счетом ничего из этого не сделал поздно. Тем более, я абсолютно уверен: от моих танцев никто бы удовольствия не получил. Я не Барышников.

А насчет поцелуев... Думаю, половина моих сверстников еще не целовалась. Просто Ариадна по себе судит, считает, что поцелуи – главный критерий подросткового роста.

Только, чего сейчас говорить о поцелуйчиках на выпускном, об этих детских играх во взрослую жизнь? Сейчас, после всего того, что со мной приключилось. Смешно, право слово, смешно!

Но о том, какой перелом в судьбе, какие метаморфозы ждут меня двадцать седьмого июня, я тогда, семнадцатого числа, разумеется, не знал. Не мог знать. И никто не мог. В том числе Ариадна. Потому и крутила без устали свою заезженную шарманку:

-Рома, тебе этот праздник должен запомниться на всю жизнь. Выпускной ведь!

-Смею заметить, что твой брат покидать школу не собирается, - пробубнил я спросонья. – И после одиннадцатого класса у меня будет еще один, на этот раз настоящий выпускной.

-Мало ли что когда-то будет! Кто знает, как жизнь повернется. Может, ты школу в Америке заканчивать будешь, дуралей! Впрочем, до Америки еще далеко, и на повестке дня у нас с тобой другие проблемы. Давай поговорим о Борисоглебских. Рома, тебе не надо ходить к этим людям!..

Однако даже после того как Ариадна по винтикам и гаечкам разложила мне всю ситуацию с Борисоглебскими, с их матримониальными (ее словечко) планами, я идти к ним в гости не передумал.

-Рома, я тебя не отговорила?! – ужаснулась Ариадна. – Не понимаю: тебя что, настолько засосала пресловутая рюриковщина? Неужели тебе, в самом деле, охота играть в безумные борисоглебовские игры? Проснись, братишка!

-Просто я не могу подвести маму. Она же обещала.

-Чего она кому обещала? Представлять на псевдовеликосветском приеме княжеский дом Телятевских? Ржунемогу над вами аристократами. Маму он подвести, видите ли, не может! Да мама элементарно начхала на весь этот театр абсурда. Наша мама скоро выйдет замуж за какого-нибудь Уилла Смита и навсегда забудет, что когда-то была «княгиней».

-Насчет того, что она поехала в Америку замуж выходить - это только твои предположения. Вот вернется через неделю, будешь знать...

Ариадна рассмеялась-развеселилась, чуть кофе не пролила.

-...Потом, зачем ей за Уилла Смита выходить? Можно за Джонни Делпа, а фон Делпы – это российская дворянская фамилия, из Эстляндской губернии.

-Господи, Рома, сколько у тебя мусора в голове!.. Однако постой, постой! Ну-ка посмотри мне в глаза! Уж не дура ли я, что поведала тебе о коварных планах господ Борисоглебских? Уж не вздумал ли ты сознательно на их крючок попасться, Ромашка?! Ты хоть видел их дочку на выданье? Сколько ей лет? Как её вообще зовут?..

Нина.

Я знал, что Нина Борисоглебская младше меня на год, и – да, я ее видел. Однажды. Зимой. Мама показала. Мы с ней куда-то мимо Покровской церкви ехали, и она,

затормозив на светофоре, воскликнула: «Ром, гляди - Борисоглебские! Из церкви выходят. Нарядные. Праздник сегодня какой, что ли? Смотри-ка: вся семья в сборе – сам, сама и четверо ребятшек. Старшая, та, что с косой – Нина, остальных не помню, как зовут».

Толком Нину рассмотреть мне тогда не удалось. Единственно запомнилась длинная толстенная темно-русовая коса, а лица не разглядел. Из-за несуразного старушечьего платка на Нининой голове. Наматывают же некоторые на себя, бог знает что!

-...Так пошарь в интернете! – фыркнула Ариадна. – Найди ее профиль в каком-нибудь фейсбуке. Фотки с голыми ногами посмотри. Зимой-то, небось, она в юбке до пят была?

-Угу.

-«Угу, угу»! Филин, птица лесная! В гости он собрался, а про хозяйку ничего не знает. Кто так в гости ходит? Может, у нее ноги кривые, уши оттопыренные и глаза косые?

-Не думаю. И вообще, зачем я буду себя заранее на плохое настраивать?

-Ну, точно! Я его хомутом стращаю, а он намеренно в это ярмо голову сует! Уже ничего плохого о его Нине не скажи! Понятно, зачем ты к Борисоглебским собрался. Нашел легкий способ с девушкой познакомиться. Главное, самому ничего делать не надо. Как же, и без того - завидный жених. Глава княжеского дома! Мама позицию сдала, и теперь он – глава! Все с тобой ясно, Рома Телятевский. На безрыбье и рак – рыба. Нет у тебя девчонки, так ты готов с кем угодно познакомиться, и с лопухой и с косой. Фу, как все запущено!

-Ничего ты не понимаешь!

Огрызнулся на Ариадну, а ведь она была не так далека от истины. О том, чтобы жениться на Нине Борисоглебской, понятное дело, я не думал, но в целом против брака не возражал. В принципе. И Ариадна это заметила.

Хотя, что такого? Да, я не прочь жениться! А разве плохо иметь семью, быть мужем? Разве плохо найти свою половинку, вместе с которой становишься «единым целым»?

Вот мама не нашла свою половинку и мыкается. Теперь уже по миру странствует в поисках личного счастья. В Старом свете мужа не нашла, в Новый подалась, за океан.

Не всех кандидатов в мамины мужья я хорошо помню. Хотя их и немного было. Немного, несмотря на то, что мама – красивая и умная женщина. Правда, мужчины якобы умных женщин не шибко жалуют. Полагаю, конкуренции опасаются. Только, какое удовольствие с недалеким, отстающим от тебя в умственном развитии человеком жить? Как вы с такой женой «единое целое» составите, когда она элементарных для вас вещей не понимает? Жена должна мужа с полуслова понимать, над шутками его смеяться, такие же книги и фильмы любить. Даже одеваться, наверное, муж и жена должны в одном стиле.

В общем, только глупые мужчины себе в жены глупых женщин взять хотят. Умные на такое не пойдут, они не дураки.

Возможно, поначалу маминых потенциальных женихов ее маленькие дети – то есть, мы с Ариадной – отпугивали. А потом, когда маленькие дети подросли, выбирать маме уже не из кого было. Остались оставленные другими женщинами фрики и повернутые на карьере трудоголики. Два самых последних маминых жениха – господина Калин и Засс - как раз из этих социальных групп. Первый - фрик, второй – замученный раб с галеры. Забавно, что оба были лысыми и банкирами.

То, что - банкиры, объясняется легко: мама как антикризисный менеджер тесно работала с банками, где наверняка и столкнулась со своими, теперь уже бывшими ухажерами.

И то, что оба лысыми были, не удивительно. В наше время иные из тех, у кого волосы нормальные, густые под ноль стригутся. Это раньше – я в советских фильмах видел – по улицам полно мужиков ходило, у которых только половина головы безволосой была, как у Ленина или артиста Леонова. Сейчас же для одних быть абсолютно лысым, значит, быть стильным, брутальным, а другие налысо побриться спешат, едва у них проплешина забрезжит. Так вот Калин - из брутальных, а Засс - с проплешиной.

Не скажу, что обоих бритые головы уродовали, только я в их присутствии немедленно начинал представлять-придумывать, как они себе свой череп скоблят. Электрической бритвой или Жилетом? Насухо или с пеной? Сами или кто-то им в этом помогает? Если сами, то как до затылка и прочих труднодоступных заушных мест добираются? А так же - как часто происходит данная косметическая процедура? И еще – не холодно им зимой? Каково, когда мороз под тридцать? А летом не тревожит, что голова может неравномерно загореть? Под кепкой, например, не загорит, а вокруг загорит. В общем, вместо того, чтобы с человеком на умные темы разговаривать – о культуре, экономике, о погоде - я только о его лысом черепе и пекусь.

Первым у нас дома господин Калин появился. Низкорослый, ниже мамы, физиономией на Федора Бондарчука похожий. Я сразу понял, что только в этом - всё его достоинство. А мама не сразу, и поначалу у господина Калина что-то стоящее в душе и безволосой голове искала. Потом отступилась. Сказала, что у него в аттестате зрелости сплошные тройки: «Сама видела... Только по физкультуре пять». Презрительно хмыкнула, беззвучно ругнулась одними губами, и больше господина Калина я уже не видел. Только Федор Бондарчук изредка о нем напоминает.

А вот с самым последним своим женихом - с Зассом мама могла и не в банке пересечься. Не исключено, что Засса ей Борисоглебские подсунули. Иначе от кого она могла узнать о том, что он якобы из старинного баронского рода. Сам-то банкир никаких познаний в истории своей семьи нам не продемонстрировал. Он вообще по большей мере безмолвствовал.

-Мутный, - сказала про него Ариадна.

Согласен, странноватый был товарищ, хотя слово «мутный» скорее оскорбительное, а Засса впору пожалеть следовало, а не оскорблять.

Сухой, сутулый, с нездоровым цветом лица он был полной противоположностью своему предшественнику. Глаза грустные, взгляд ускользающий и какой-то озадаченный. Бывает, чиркнет Засс по тебе этим своим странным взглядом, а в нем – неподдельное удивление: «Ты кто такой?!» Словно нас не знакомили. Впрочем, в лицо собеседнику он редко посматривал. Больше – на телефон или в сторону. Говоришь с ним и головой крутишь: что там – слева, справа или позади тебя - недоумевающий господин Засс увидел? Неприятно.

Если мужиковатого Калина Ариадна вниманием обошла (отмахнулась: «Ничего стоящего»), то над неказистым, но интеллигентным Зассом подшутить себе позволила.

-А куда, разрешите узнать, девалась первая половина вашей замечательной фамилии? – спросила она его уже при первом знакомстве.

-Простите? – не понял ее Засс.

-Ну, как?! Всем известно, что во времена царствования императора Николая Павловича знаменитый вестфальский род Зассов, дабы не пресечься ввиду отсутствия продолжателя мужского полу, породнился с не менее родовитыми выходцами из мекленбургских земель господами Ранцевыми. Поэтому у вас должна быть двойная фамилия Ранцев-Засс.

-В самом деле? – проявила интерес к разговору мама.

Не нашедший, что сказать банкир скользнул по лицам собеседниц озадаченным взглядом и беспомощно улыбнулся, а не встретившая сопротивления Ариадна продолжила:

-Да, мамуль, весьма поучительный анекдотец. Полковник Засс в самом деле выдал дочь за подчиненного ему офицера Ранцева. И вероятно, сей рядовой в масштабах российской истории случай не сохранился бы в памяти потомков, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство, порожденное хрестоматийно-идиотским вопросом «Кто кого родовитее?» Господин полковник безумно кичился своей родовитостью, посему с пеной у рта настаивал на том, чтобы новоиспеченная супружеская чета обзавелась двойной фамилией, в коей на первом месте стояло неприменно-с «Засс». То есть: Засс-Ранцевы. И – можете себе представить? – подначальный этому самодуру молодой службист Ранцев сдался! Хотя, говорят, тоже был тот еще самовлюбленный фрукт. Слава богу, в эту феерию глупости вмешался Его Величество Император, и молодожены в итоге обрели относительно благозвучную фамилию «Ранцевы-Засс»... Так, где вы потеряли «Ранцева», господин Засс?

-Это не более чем анекдот, - выдал из себя банкир.

-Исторический анекдот, прошу заметить. Между просто анекдотом и историческим большая разница. Первый – выдумка, второй – почти правда. Впрочем, вы, верно, из других Зассов, вообще не наследивших в истории.

Потом уже наедине Ариадна сказала мне касательно «мутного» Засса: «Случайный человек. Скоро исчезнет с горизонта». И действительно, не прошло и месяца, как он перестал появляться в нашем доме.

-Куда-то командировали, - ответила мама на мой робкий вопрос относительно своего экс-ухажера. – И хорошо. Несчастный он какой-то, затюканный. Он несчастный, и я рядом с ним себя несчастной чувствую.

Да, это очень плохо – чувствовать себя несчастным. И одиноким. Вот почему я не прочь жениться...

-Рома, рано тебе жениться...

Черт возьми! Или у меня все на лице написано, либо Ариадна – ясновидящая, умеет мысли читать.

-...Рано тебе семью заводить. Тем более по чьей-то указке, тем более, когда невесту тебе подсовывают. А может, и Нине ты не нужен вовсе, подумай об этом. А то, гляжу, уже настроился новую ячейку общества зиждить. К тому же, Рома, оборотистые Борисоглебские быстро тебя стреножат. Примаком будешь. Знаешь, кто такой примак? Тот, кто в доме родителей жены живет. Примак – принятый в чужую семью, нелестное для мужчины слово. Зачахнешь ведь под чужой пятой. Ты и так слабовольный, а без нашего с мамой присмотра – да, да! мы вместе с тобой к Борисоглебским в примачи не запишемся, не надейся – без нашего присмотра в полное ничтожество превратишься. Я вот сейчас нагубила тебе, но иначе никак! И вообще, Ромка, ты что же, думаешь так и остаться частью этого тысячелетнего дерева-монстра?

-Какого еще дерева?

-Генеалогического! Хочешь всю жизнь питаться забродившими соками его заскорузлых очерстевших корней? Хочешь быть неприметным сучком его толстого окаменевшего ствола? Этот монстр как гранитный истукан, уже не гнется, не колышется, какие бы ветры не дули! Живой ли он, Рома?

-Ты тоже ветка этого монстра.

-Нет, я семечко. Я легкое семечко с молодым листочком - парусом. Я отрываюсь и лечу. Может, скоро приземлюсь и стану изумрудным ростком, началом нового деревца. Молодого и гибкого. А может, меня забросит в ручей, и я буду бесконечно долго странствовать по миру, покачиваясь на волнах. Ручей, река, море, океан. Я увижу свет. Потом прибуду к далекому берегу и проросту. А ты? Останешься серым сучком? Запрограммированным, подневольным. Неужели тебя устраивает то, что все в твоей жизни

предопределено? Неужели тебе не хочется плюнуть в рожу тому, кто говорит тебе о каком-то предназначении, о каком-то фантомном долге? Рома, человек рождается свободным, никому ничего не задолжавшим!

Права вольнолюбивая сестра? С какой стороны посмотреть.

Многое в моей довольно однообразной жизни, действительно, заранее предопределено. Просчитано, легко предсказуемо.

Ни один год я – рядовой, не обладающий выдающимися способностями школьник – существовал по скучному и не мной составленному графику. Все события, стопудово все – и прошедшие, и планируемые – были стандартными, типовыми. Общедоступными какими-то. Главное, они не требовали особых усилий. Ни умственных, ни физических. Родился, пошел в детский сад, потом в первый класс, потом во второй класс, в третий, в четвертый... наконец, в девятый... закончил девятый класс. Привстал на цыпочках, приложил ко лбу ладонь козырьком: «Что там дальше?» Ах, да! Ну, конечно, дальше – десятый класс. Потом одиннадцатый, потом институт. Первый курс института, второй курс института, третий курс института...

Скучно, согласен. А с другой стороны – безопасно.

Будь я каким-нибудь спортсменом, огребал бы травмы и горько переживал поражения. Артистом скитался бы по гастроям, жаждал славы и морально деградировал в борьбе за лучшие роли. Будь я вундеркиндом, от меня бы постоянно требовали демонстраций моей одаренности и чморили, если б не оправдывал ожидания. Нужны ли такие потрясения?

А насчет того, что я ищу легкие способы познакомиться с девушкой, так это не совсем верно. Пытался и по-другому познакомиться. Смело, решительно. На улице! Можно сказать, даже получилось. Только воспоминания о том знакомстве у меня не самые радужные. Хотя отчасти я вел себя тогда весьма похвально, по-взрослому, по-мужски – расковано и безоглядно.

Это случилось минувшей осенью, в самом ее начале.

Зачем-то посреди обычного рабочего дня меня понесло в центр города. Кажется, стоящей причины мотаться из нашего спального района в такую даль не было. Возможно, мне просто хотелось отойти на максимальное расстояние от дома и школы, развеять набежавшую тоску, вызванную началом нового учебного года.

Сначала я долго ходил туда-сюда по многолюдным улицам и тихим переулкам, а потом в состоянии легкой грусти бросил якорь возле одного старинного, облепленного атлантами дома.

Помню, передо мной мелькали незнакомые лица, откуда-то сверху играла живая музыка, оттуда же и также ненавязчиво светило блеклое сентябрьское солнце. Откровенно говоря, обстановка, несмотря на все мое уныние, была не такой уж плохой. Но лишь до той поры, пока ни подул резкий, пронизывающий ветер и ни приползла пузатая туча, из которой хлынула «месячная норма осадков». Разразился самый натуральный ливень, с эффектными белыми молниями и раскатистым громом.

Только со своего места под атлантами я даже не сдвинулся. Во-первых, у меня имелся отменный доплеровский зонт (несмотря на все свои недостатки я человек предусмотрительный и расчетливый), а во-вторых, я увидел Лалу. Впрочем, тогда мы еще не познакомились, и имя этой милой девушки посреди быстро расплывающейся, пузырящейся лужи было мне не ведомо. Хотя обрадовался я ей – этой девушке – несказанно.

Сколько я искал подобной случайной встречи! Как долго я ходил по родному городу с надеждой, что вот-вот какой-нибудь одинокой симпатичной барышне

понадобиться экстренная мужская помощь. Скажем, подвернет несчастная ногу, или у ее пакета оторвутся ручки. А тут – я галантно подаю пострадавшей руку и новую тару. Стыдно признаться, но до определенного времени у меня в кармане неизменно имелся аккуратно сложенный пакет. При этом даже самому себе я лицемерно врал, будто каждый раз беру его под продукты. Под хлеб. «На обратном пути надо будет обязательно купить багет», - оправдывался я, выходя из квартиры и засовывая в карман злосчастную «маячку».

Так до встречи с Лалой и давился хлебобулочными изделиями, оказывая посильную уличную помощь исключительно пожилым женщинам. Именно у них самые слабые ноги и непрочные заношенные пакеты.

Итак: проливной дождь, растерянная девушка, тщетно прикрывающая сумочкой втянутую в узкие плечи голову...

Дождь для случайного знакомства походит не хуже вывихнутой ноги и рваного пластика. Особенно, если у девушки нет зонта. У Лалы его не было.

Лала... Изящная, темнобровая, глаза спелой вишни... Я почти влюбился. Влюбился, спешно шагнул в лужу навстречу тонушей в ней незнакомке и галантно поделился зонтом. После чего торопливо – пока дождь не кончился, а спасённая не убежала - протянул ей вытертую о джинсы ладонь:

-Роман.

-Лала, - представилась темноглазая, отводя взгляд в сторону. Но рукопожатие состоялось - деваться несчастной было право некуда - вокруг раскрытого зонта встала непреодолимая стена дождя.

-Ла-ла, ла-ла, - неясно высказался я. То ли пропел, то ли пролаял.

Но видимо в моем «песнопении» проскользнула определенная мысль, потому что Лала на мою руладу не обиделась и уточнила:

-Это полное имя.

-Ааа... - не закрывая рот, кивнул я. – Эээ...

-В переводе – тюльпан.

-Ссс?... - поинтересовался я на все том же убогом языке внезапно обрушившейся любви.

-С персидского, - ответила понятливая гурия.

«Чтобы еще такого узнать?» - я крепко задумался, но ничего толкового не придумал. Зато неожиданно для самого себя, довольно уверенно и, похоже, к месту продекламировал незабвенного Сергея Александровича:

-Я спросил сегодня у менялы,

Что дает за полтумана по рублю,

Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Моя новая знакомая забавно смутилась, и мне немедленно захотелось продолжить литературные чтения, но, что там дальше требовал Есенин у менялы, я не вспомнил. Зато из недр памяти и из школьной программы извлек другое четверостишие озорного гуляки. Оно показалось мне максимально подходящим к окружающей реальности – там упоминался дождь.

-И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьев целует дождь,

Оттого что тот старый...

Клен! Ну, конечно же, клен! И рифма и все остальное... А я зачем-то сказал «пень»:

-...Оттого что тот старый пенёк

Головой на меня похож.

Лала громко рассмеялась, хотя сразу же сконфузилась и прикрыла рот ладошкой, из-за которой неуверенно сказала:

-Мне надо идти.

-Давай подождем, пока закончится всемирный потоп, - предложил я. – Куда-либо идти проблематично. Невозможно!

Постепенно мы разговорились, и Лала рассказала, что она – приезжая, гостит у своих старших братьев – Дастана и Гарсива, которые учатся в университете.

-Я тоже хочу здесь учиться. Но меня папа не отпустит, - сообщила «персиянка».

-Почему? – удивился я. – Отчего такая несправедливость? Ведь Дастана и э-э-э...

-Гарсива, - подсказала Лала.

-Да. И Гарсива ваш папа отпустил.

-Они мужчины.

-Что за угнетение по половому признаку?!

Лала быстро подняла руку и прикоснулась указательным пальцем к моим губам: «Ничего не говори!»

-Ты где-то рядом живешь? – спросила она.

-Нет, - вынужден был признаться я: «Черт! А жил бы рядом, мог бы в гости пригласить!» - Я живу на улице Строительной.

-Правда?! – поразила Лала.

-Правда. А что?

-Мне как раз нужно на улицу Строительной. Только я не знаю где это, - она достала из сумочки мобильник и посмотрела, сколько сейчас времени. – Я туда за один час сорок минут доберусь?

-Доберемся! – радостно воскликнул я.

-Я Дастану обещала в четыре приехать.

-Подождет. Ты же девушка, не он.

-Да ты что?! Они оба знаешь, как за меня боятся! – Лала рассмеялась и, шутя, схватилась за мою руку - за пальцы. Крепко схватилась. – Вот так держат, чтобы не убежала!

-А тебе хочется убежать?

Лала отвернулась.

-Сурово, - сказал я. – Ладно, поехали к твоим джигитам. Дождь почти закончился.

Лала грустно кивнула. А пальцы мои, между прочим, отпустила не сразу.

Несмотря на то, что путь к родным пенатам я избрал отнюдь не ближний, даже можно сказать, окольный, очутились мы на улице Строительной скоро и задолго до четырех часов.

-Что же тебе здесь показать? – я обвел глазами родные окрестности.

-Ничего не надо. Я уже никуда не пойду, - Лала села на первую попавшуюся скамейку.

-Брось! Почти час на одном месте? Ты к нам в город приехала лавочки полировать?

Аргумент был отменный, но Лала все еще колебалась и заинтересованности в прогулке по прилегающей местности не выказывала.

-Не хочешь осматривать достопримечательности, давай просто так погуляем. Хотя бы вон до тех красивых многоэтажных сооружений, - я показал в сторону своего дома. – Представь, что у нас свидание.

Лала хихикнула. Ага! Зацепило!

-Итак, у нас с тобой первое свидание, - значительно увереннее продолжил я, - а на свиданиях сидеть не полагается.

-И что это за многоэтажные сооружения? Ты уверен, что они красивые?

-Возможно, не очень... - замялся я. – Но это не суть важно. Главное то, что там находится моя резиденция.

Лала мгновенно остановилась и талантливо изобразила из себя суровую царицу Тамару: гневно-величаво сдвинула брови, сверкнула янтарными очами. Раз что ножкой не топнула.

-Ну, позволь хотя бы угостить тебя чаем! – взмолился я.

-Хотя бы? – строго уточнила Лала.

-Просто «угостить чаем»! Десять минут пьем чай, и я веду тебя обратно.

Она с полминуты смотрела под ноги, а потом нерешительно кивнула.

Едва мы вошли в квартиру, где никого – ни мамы, ни Ариадны - не было, я бросил зонт с ключами на тумбочку у двери и рванул в кухню готовить обещанный чай.

Только приготовить его я так и не успел. Ничего мы не успели, ни чая попить, ни поговорить. Все испортил зазвонивший у Лалы телефон. Резким, не требующим объяснений жестом она приказала мне молчать и с прижатой к уху трубкой выбежала в прихожую, из которой обратно на кухню уже не вернулась. Крикнула: «Извини, я убегаю» и шваркнула подошвами сброшенных с ног тапочек.

-Лала, что случилось?

-Это Дастан. Он какой-то злой. Сказал, что подъезжает.

-Так рано? – я посмотрел на часы. – Еще полчаса...

-Открой дверь, пожалуйста, - не стала ничего обсуждать Лала, а на предложение «Давай, завтра встретимся?» безрадостно поникла головой.

-Номер! – опомнился я. – Скажи твой номер!

Она продиктовала мне свой номер и кинулась вниз по лестнице.

После ее ухода я долго бродил из угла в угол, от окна к двери и обратно. Маялся, пока не позвонила... Лала!

-Рома, они грозятся тебя найти и покарать! – огорошила она меня.

-Чего? Кто грозится?

-Мои братья. Гарсив случайно видел нас с тобой. Он говорит, что ты меня обнимал. Он нашел Дастана, и теперь они хотят найти тебя.

-Ерунда какая-то.

-Нет, не ерунда! Отец поручил им охранять меня, не позволять общаться с мужчинами. Рома, я уже обручена... Меня отец обручил, а мне ты нравишься! А Дастан сказал, что найдет тебя и... Рома, я боюсь!

-Не бойся. Разберемся как-нибудь. Может, я... это... могу тебя выкупить?

Лала натуральным образом зарыдала.

-Хорошо, успокойся, успокойся. Есть какой-нибудь традиционный выход из создавшегося положения? - я старался говорить уверенно, с иронией, по-мужски. Однако в груди уже похолодело, и в голосе появились предательские высокие нотки: «Из положении-я-я-а... кх-кх...»

-Рома, ты должен спрятаться. Я сказала братьям, что ты оказался возле меня случайно. И я даже тебя не помню.

-Куда прятаться? Зачем? И вообще, как они меня найдут?

-Не знаю. Они все могут. Они подкупят полицию, составят фоторобот, и твой портрет будет висеть на улице. На всех улицах.

Здесь мне стало реально страшно.

-...Отрасти волосы, усы, бороду...

Я механически пощупал подбородок, что было глупо и смешно – усы, а тем более борода у меня и не намечались.

-...Носи очки, Рома. И главное уезжай из города. Хотя бы на какое-то время. Тебе есть куда уехать?

-В принципе, да, - растерянно ответил я. - На дачу.

-Зря ты мне это сказал!

-Почему?

-Вдруг они из меня вырвут признания? Силой.

-Лала! – я едва не уронил телефон. – О чем ты говоришь? Что у тебя за братья?!

-Ты не представляешь, что для них значит честь сестры! Рома, обещай мне, уехать, пожалуйста. И не звони, если тебе дорога моя жизнь. Когда все закончится, когда гнев братьев уляжется, я тебе сама позвоню.

-Это когда?

-Когда меня отправят обратно к отцу.

-Выходит, мы с тобой больше не увидимся?

На несколько секунд Лала замолчала.

-Рома, милый, я попробую тебе позвонить. Завтра. А ты уезжай, умоляю! Прямо сейчас.

Я был не на шутку испуган, поэтому решил послушаться и на время уйти из дома.

Но тут меня настигла еще одна, правда, не такая ужасная проблема. Куда-то запропастились ключи от квартиры. Впрочем, я торопился, поэтому безрассудно шагнул за порог и просто захлопнул дверь. Отрезал себе обратный путь. Теперь попасть домой я мог только вместе с Ариадной или мамой.

Сразу встал вопрос – куда податься? Можно было попроситься к кому-нибудь из знакомых в гости и отсидеться там до вечера, но я не придумал к кому. Поэтому пошагал на ближайшую остановку, откуда уехал к черту на кулички, туда, где окна полупустых новостроек глядели на простирающееся поля с «бочонками» прессованного сена и темный лес вдалеке.

Лала позвонила не завтра, а через полтора часа.

-Ты уехал? – спросила она.

-Да, дезертировал.

-Рома, они немного успокоились. Но все равно, ты мне не звони. Потерпи. Я дам о себе знать. И не возвращайся домой как можно дальше...

Домой я вернулся после того, как со мной связалась Ариадна.

-Алло! Где тебя носит, братец-кролик? – наехала она на меня. – Нас только что едва ни обокрали!

Оказалось, что возвратившись домой, Ариадна застала у двери нашей квартиры двух «подозрительных типов».

-Что значит «каких типов», Рома? Взломщиков! Двух паршивцев незрелых!

Благо Ариадна была не одна, а с провожавшим ее сокурсником габаритной спортивной комплекции.

-Нет, мы их не задержали, - с сожалением вздохнула Ариадна. – Сбежали, гады! Но что самое поразительное, этим уродам удалось открыть наш хваленый итальянский замок с секретом!

-Два паршивца? – с тревогой уточнил я. – А девушки не было?

-Вот сейчас не поняла вопроса, – удивилась Ариадна. – Нас что, должна была девушка обворовывать?

-Я просто спросил. А паршивцы русские?

-Кто ж их разберет? Впрочем, один, если хочешь, наверное, англичанин. У него на футболке британский флаг был нарисован.

-Я имел в виду, это не... персы какие-нибудь были?

-Рома, какие еще персы?! Как Навуходоносор - с кудрявой бородой? Ты вообще где? Не в больнице? У тебя с головой все в порядке?..

На следующий день мы поставили новый замок. Заменяли разочаровавший Ариадну старый, итальянский, свой ключ от которого, к слову, я так и не нашел.

Лала мне больше не звонила, я ей тоже. Хотя... номер ее телефона из контактов до сих пор не удалил. Ага.

А Дастан и Гарсив – я потом, гораздо позже вспомнил – это два брата из фильма «Принц Персии: Пески времени».

Вот такая история. Печальная, не очень приятная, из тех, которые надо бы забыть, да не получается.

Ариадна об этом моем опыте знакомства с девушками не знает. И хорошо. А то еще подтрунивать станет. Разбор полетов устроит, а в конце непременно добавит: «Самое противное, Рома, что обжегшись на молоке, ты теперь дуешь на воду!» И продолжит прорабатывать-исправлять брата-тюфяка. Днем и ночью, очно и заочно, даже из Индии. Продолжит требовать, чтобы я срочно начинал налаживать личную жизнь. Как это делают мама и умная старшая сестра.

Ариадна называет меня нелюдимым, трусоватым, некоммуникабельным, застенчивым не в меру и в ненужное время, скованным, зажатым, колченогим и даже убогим. И ходить–то я нормально не умею, и руки не знаю, куда пристроить, и краснею без повода: «Рома, становись мужиком. Все внешние данные для этого есть – рослый, пригожий, голос приятный. Но пока ты ни то, ни се, гадкий утенок. Давай, соберись, проведи сам с собой серьезную беседу и превращайся в лебедя. Уверенного, смелого, раскованного. Девушкам такие нужны, поверь сестре, теленок ты мой нецелованный».

Я давно научился не переживать, выслушивая подобные оскорбления. У Ариадны такой метод воспитания: завести человека, разозлить, только не ради того чтобы унижить, а чтобы он сам возненавидел свои недостатки.

Вот и в Индии она не угомонилась, и оттуда продолжила выкручивать брата как мокрую тряпку:

-...Рома, ты – набор подростковых комплексов. Взрослей уже давай. Как мне с тобой дальше жить?

-Ты со мной не живешь. Ты живешь со своим инструктором по вождению.

-Не огрызайся! – Ариадна несильно стукнула кулаком по столику, на котором был пристроен iPad. От этого ее загорелое довольное лицо угрожающе затряслось. – Слушайся старшую сестру, может, поумнееешь. Не к сорока годам, а к двадцати. Если я сказала, что ты со мной живешь, значит, так оно и есть. Ты все отлично понял. Я - твой самый-самый ближайший родственник.

-Самый-самый?

-Именно так, и не спорь. Из всех старших родственников я нахожусь к тебе сейчас ближе остальных.

-Есть еще отец, - взбрыкнул я. Устал от затянувшегося свидания.

-Ха! – громогласно усмехнулась Ариадна. – Нет у тебя отца! Возьми свое свидетельство о рождении и убедись в этом лишний раз, сиротинушка.

Права, как всегда права. Права и бесцеремонна со своей правотой. Трактор, как есть - трактор, а не сестра.

Отца, судя по свидетельству о рождении, у меня, в самом деле, нет. Хотя, он, естественно, есть, как и у всех не клонированных и не делящихся почкованием живых существ. Я даже его знаю. Он даже у нас с Ариадной один и тот же.

Да, да, один и тот же, несмотря на все наши с сестрой различия. И он у нее в свидетельстве о рождении записан, а у меня – нет. У меня вместо отца – прочерк.

Когда-то мой биологический отец был мужем моей мамы. И мама также как сейчас Ариадна носила фамилию Ааронзон. Только не сложилась у них семейная жизнь. Настолько, видимо, она – эта их совместная жизнь – оказалась для мамы тяжелой, что она от моего биологического отца ушла. Ушла, невзирая на то, что вот-вот должен был родиться я. Ушла, вернув себе девичью фамилию Телятевская, которой и меня наделила. А Ариадна осталась Ааронзон.

Сейчас мамин бывший муж и мой биологический отец – известный художник. По сведениям Ариадны, «заслуженный, вот-вот народный». Только я им и его творчеством не интересуюсь. Почти. Интересуюсь, но не очень. Во-первых, потому что он – художник Ааронзон мной не интересуется, а во-вторых... Потому что мне трудно даже представить, что у этого человека могут быть какие-либо привлекательные, положительные качества. Какие положительные качества, если мама с ним так резко порвала? Резко и навсегда.

Только Ариадна с ним иногда видится. Он даже ей материальную помощь оказал, когда она в Индию собралась.

-Ты что просила у него денег? – удивился я, узнав об этом. – Мама же нам их более чем достаточно оставила.

-То, что оставила мама, должно расходоваться строго по смете: питание, коммунальные расходы, одежда в случае необходимости и, возможно, оплата авиабилетов до Нью-Йорка. И вообще, мои прихоти из нашего с тобой семейного кармана оплачиваться не будут! Я не такая, я жду трамвая, - разъяснила положение дел Ариадна. – Потом, я взяла у отца в долг.

-В долг?

-А что тут такого? Он, к слову, тоже удивился моему желанию взять у него деньги в долг, а не насовсем. Даже засмеялся. Чем меня несколько не задел. Все родители одинаковы – не в состоянии воспринимать своего ребенка всерьез. Даже если этот ребенок давно не ребенок. В общем, отец дал мне деньги именно «в долг» и правильно сделал. Потом как-нибудь обязательно отдам.

Вот так отец сделал еще одну нехорошую вещь. Оказал Ариадне финансовую помощь, без которой она, возможно, в Индию не слиняла бы, меня бы одного не бросила.

В общем, на утро семнадцатого я уже несколько дней жил совершенно один. Один в большой, полной всевозможного добра и продуктов квартире. Отца нет, мама – в Штатах, сестра – в Индии. Впрочем, даже оттуда она доставала меня своими наставлениями:

-...Рома, ты ведешь неправильную жизнь.

-Ооо! – застонал я. – Тебе не пора в джунгли?

-Нет, есть еще минутка. Рома, братец, надо исправляться, надо работать над собой. Ну что это такое?! Людей сторонисься, общаться с ними боишься... Я сейчас не про Борисоглебских, они – отдельная песня. Скверно, что девушки у тебя нет. Нормальной человекообразной девушки без паранджи. Да, что там девушки, друзей-то настоящих нет. И гулять на улицу ты не ходишь. Просто какой-то Маугли, воспитанный диваном. Даже хобби завалящего у тебя нет!

-Я рисую.

-В час по чайной ложке! Один рисунок в месяц. Вот скажи: ты что, все лето в городе просидеть собрался?

-Maybe.

-Офанареть!

-Не уезжала бы, осталась и занималась бы мной. Не по скайпу, а вживую, – огрызнулся я. - Нашла бы мне подходящую компанию и девушку!

-А вот я что-нибудь придумаю! – раздраженно воскликнула Ариадна. – Здесь в Индии и придумаю, клянусь! И ты за то, что сейчас на меня зарычал, очень скоро получишь

по заслугам. Запомни! Посмотри на часы, на календарь, запомни время и дату, когда ты так опрометчиво бросил вызов любящей тебя сестре! Хотела тебе подарок из джунглей привезти - веселую обезьянку или кобру, танцующую под дудочку - но ты подарков не заслуживаешь, ты заслуживаешь возмездия! Понял? Всё, Рома, бывай, сдавай ОГЭ, не поминай лихом, готовься к страшному!

II

После этого Ариадна пропала.

Первые три дня я был уверен, что из приютивших мою блудную сестру джунглей просто невозможно дозвониться. Но когда на четвертые сутки от нее пришло необычайно сухое смс «У меня все норм», понял: она реально крепко обиделась.

А я, между прочим, волновался. В самом деле, искренне переживал за сестру, потому что ее спутник Гриша на роль «каменной стены», защитника женщин и детей никак не подходил. Гриша, это - витающее в облаках недоразумение, студент-философ и пустозвон. Что Ариадна в нем нашла, не представляю.

Откровенно говоря, я был зол на Гришу. Это же с ним моя сестра-опекунша умотала в Индию.

-Кстати, почему в Индию? – спросил я у Ариадны, когда она объявила мне о своем бзике рвануть за тридевять земель. Ни с того, ни с сего, с бухты-баряхты.

-Понимаешь, Ром, душно мне. Вяну, увядаю. Раздражает всё – и то, что происходит, и то, что не происходит. Будто едкий дым обволакивает. Аж глаза слезятся, - ответила Ариадна. – Не хватает чистого воздуха. Ферштеен? Хочу в пампасы, на волю!

-Пампасы в Южной Америке.

-Это цитата из «Золотого теленка». Ром, правда, я закисла в родном отечестве.

-Могла бы подождать, пока я ни сдам ОГЭ. Мне твоя поддержка не помешала бы.

-Брось! Ты отлично справишься. Я верю в вас, Роман Телятевский!

-Это тебя Гриша подбил в Индию ехать?

-Вот еще! Что б я у Гришки на поводу ходила?! Не бывать этому. Наоборот, я его за собой тащу. Может, пригодится. Знаешь, с ним интересно. Умеет красиво говорить, поросенок. Нет, Ром, никто меня ни на что не подбивал. Сама почувствовала, пора сменить обстановку. Боюсь бешеной собакой начну на людей кидаться. На тебя в том числе. Так вот, лучше в Индию, чем в сумасшедший дом.

-Там, куда вы едете, сейчас сезон дождей. Муссоны.

-Фигня. Не сахарные, не растаем. Не понравится, перекочуем в другое место.

-Все равно, почему в Индию?

-Интересно там. Другая цивилизация в другом измерении. Люди по-другому думают. По-другому друг к другу относятся. К тому же по-английски говорят, переводчик не нужен.

Вот такая у меня сестра - безоглядно бросила все дела в этом измерении и кинулась в другое.

Итак, после трехдневной паузы возобновилось наше с Ариадной общение. Сначала путем обмена смс. При этом я не ленился и писал подробные корреспонденции – пространные бюллетени о своем самочувствии и содержательные жалобы на превратности русского лета. Ариадна же отвечала скупыми «Да», «Ок», «Хорошо», «Не знаю». Даже на мое провокационное послание с правдивым описанием прошедшего выпускного, где я

никого не поцеловал и ни разу ни под какую музыку не станцевал, стойкая сестрица ответила одним емким словом: «Поздравляю».

Но вот в семь утра двадцать седьмого июня она прислала мне письмо по электронной почте. Вау! «Вау» потому, что прежде мы никогда не отправляли друг другу писем по электронной почте. Кстати по вине самой же Ариадны, заявившей однажды:

-Умер эпистолярный жанр, аминь!

Это она сказала, когда мама в прошлом году в командировку уезжала, и попросила нас регулярно писать ей на адрес электронной почты.

-Ууу! – загудела в ответ Ариадна. – Мам, давай обойдемся эсэмэсками. Сэкономим время и эмоции. В наш мобильный век принято довольствоваться телеграммами. Так что, забудь про электронную почту. Пользуйся ей на работе, а в быту пиши смс.

Однако спустя год что-то перевернулось в сознании Ариадны (не иначе альтернативная индийская цивилизация руку приложила), и двадцать седьмого июня моя ранее непоколебимая в своих привычках сестра воспользовалась услугами электронной почты. Написала брошенному младшему брату пространное письмо следующего содержания:

«Доброго утра тебе, княжич!

Насколько я понимаю, brother, ты сейчас человек от всяких ОГЭ освободившийся, так? У тебя наступили полновесные каникулы, образовалась уйма свободного времени, верно? Значит, ты сможешь выполнить одну мою маленькую просьбу, yes? Заметь, я ничего у тебя не требую, просто спрашиваю.

А просьба, брат, такая: надо встретить прилетающего из Индии человека. Хорошего человека. Я весьма заинтересована в его услугах, поэтому прошу, даже умоляю: не выдумывай причин отказываться!

Этот хороший человек поживет у нас (да, Рома, именно у нас, а не в гостинице) меньше суток и затем улетит обратно. О кей? Убеждена, ты кивнул и сказал: «О кей!»

Значится так:

Твой гость прилетает СЕГОДНЯ (!) 27.06. в 19.25. Рейс из Мумбаи. (Бомбей, Мумбаи - одно и то же, чтоб ты знал).

Человек это нестарый, путешествует налегке, так что встретить его на байке. С общественным транспортом не связывайся, ни к чему иностранца отечественными реалиями стращать. И на такси не траться. Тем паче, что наш индийский товарищ узнает тебя среди встречающих как раз по мотоциклетному шлему, который ты гордо поднимешь над своей головой как флаг родины.

Байк, если помнишь, стоит в гараже у дяди Вани.

Можешь мне не звонить – телефон упал со скалы и умер. Новый сегодня не куплю, не получится.

Кажется, всё. Счастливо провести время, любящая тебя сестра Ариадна Индийская».

Для того чтобы я прочитал ее письмо как можно раньше, Ариадна предваряла его пулеметной очередью громкоголосых смс одинакового содержания: «Рома, проснись и открой электронную почту!» Причем не известно с чьего номера.

Естественно, что ознакомившись с бесцеремонным текстом ее послания, я кинулся звонить на тот самый незнакомый (должно быть, Гришкин) номер. Но дозвониться до сообщника нахальной сестры не получилось. Сначала мне просто не ответили, потом абонент и вовсе стал временно недоступен: «Try to call back later». Ясно-понятно: для Ариадны мой звонок на «Гришкин» номер послужил сигналом, что я прочел письмо, обсуждать же сложившуюся ситуацию в ее планы не входило.

Разумеется, я не сдался и, безжалостно дубася по клавиатуре, резво написал беспардонной сестре ответное послание.

«Какой гость?! Что за наглость?! – «возопил» я. - А если у меня другие планы?! Ты могла меня заранее спросить?! Почему ты так легко распоряжаешься моей жизнью?! Конечно, теперь я никуда не денусь и попрусь к 19.25 в аэропорт! Ты меня знаешь, поэтому не переживаешь за своего «хорошего человека». Ладно, бомбейский черт с тобой! Но в следующий раз все будет по-иному. Не обольщайся!»

Отправив это угрожающее письмо на адрес электронной почты сестры, я пошел пить кофе. Выпил его на кухне большими глотками безо всякого удовольствия и вернулся к компьютеру. Тишина. Ответа на мою грозную ноту не последовало. Обмен ударами не состоялся. Меня обыграли вчистую.

Конечно, тогда я думал бог знает что. Уверил себя, будто всю эту канитель с индийским гостем Ариадна затеяла единственно ради того, чтобы я не пошел к Борисоглебским. Ведь именно двадцать седьмого в девятнадцать ноль-ноль мне предстояло явиться к ним на тот самый «великосветский» прием.

Обладая способностями Супермена, я бы мог запросто нанести визит Нине, засвидетельствовать почтение франкфуртскому барону фон Риттеру и успеть к полвосьмого в аэропорт. Увы, я не Супермен, не Спайдермен, не Бэтмен. Даже на байке, даже нарушая скоростной режим и прочие правила, меньше чем за сорок минут от Борисоглебских до аэропорта не домчаться.

При этом я почти не сомневался, что никого там не встречу, что «хороший человек» из Индии - не более чем коварная выдумка сестры. И заранее бесился, представляя, каким шутком гороховым буду выглядеть в аэропорту с поднятым над головой шлемом. На девяносто с лишним процентов не сомневался, что никого не встречу.

И все же мизерный шанс на то, что кто-то все-таки прилетит, оставался. Почему? Ариадна никогда не шутила грубо, топорно. Все ее приколы всегда были довольно изысканными, замысловатыми, многоходовыми, как красивые шахматные задачи. Это и настораживало. Настораживало и злило.

Нет, не мог я не поехать в аэропорт, никак не мог!

Поэтому умывшись и позавтракав, отправился за оставленным у дяди Вани байком.

Перед тем, как податься в Индию, Ариадна загнала свой Кавасаки в гараж дяди Вани Печекладова - нашего дальнего родственника, мастера на все руки. Зачем-то попросила дядю Ваню поставить на байк противотуманки. Для каких целей они ей понадобились, зачем она на них потратилась, мне невдомек. В нашем городе густой туман – явление редкое. За этим делом надо ближе к морю ехать. Может, Ариадна до того, как в Индию улететь, собиралась к морю рвануть?

Печекладовы жили от нас недалеко, в трех остановках, поэтому я появился возле их пятиэтажки очень скоро. И сразу натолкнулся на выходящего из подъезда дядю Ваню.

-Здорово! - обрадовался он мне. – По мою душу?

-На пять минут, дядя Вань. Мотоцикл забрать. Ариадна просила. На днях приедет, и он ей сразу понадобится.

-Хм, - нахмурился дядя Ваня. – Ром, а как же я тебе его отдам? Тебе нельзя на нем ездить.

-Можно, у меня теперь права есть, - я достал из кармана свое водительское удостоверение. – Вот!

Да! У меня имеются самые настоящие права. Я, можно сказать, крутой! А что? Нечем гордиться? Полагаю, не многие из моих одноклассников – владельцы водительских удостоверений. Пусть и подкатегории А1.

Все необходимые для получения своих байкерских прав экзамены я сдал на следующий день после того, как мне исполнилось шестнадцать. Хитроумная сестрица обо всем позаботилась, договорилась. Деньги заплатила и на кого-то знакомого надавила, чтобы он мое обучение задним числом у себя в автошколе оформил. От меня требовалось только теорию вы зубрить и экзамены не проспять. А там – дело техники, с которой давно никаких проблем – уже два года на байке езжу. Ариадна выдрессировала. Силой заставила мотоциклетную науку освоить.

Сама-то она сто лет за рулем. Не помню даже с какого возраста. Скорость и колеса ее стихия. Уже в первом классе на скейтборде как ветер носилась.

-Между прочим, Рома, я подтянутая и жилистая аккурат потому, что с малолетства скейтбордингом занималась, - не раз хвасталась передо мной моя, в самом деле, поджарая сестра. – Посмотри, какие у меня икры, ляжки и далее!

-Пусть кто-нибудь другой на твои ляжки и далее смотрит. Мне твои разбитые коленки все детство глаза мозолили.

-Тяжело в учении, легко в бою, дурачок. Было за что кровь проливать!

После скейтборда у Ариадны скутер появился, потом первый мотоцикл, потом второй.

Меня же техника никогда особо к себе не тянула. Однако пришлось научиться мотоцикл водить. После того, как Ариадна со своего байка навернулась. Не с того, за которым я к дяде Ване отправился, а с другого. Была у сестры между скутером и Кавасаки «легкая» «Ява». Вот с нее она и упала. Ничего страшного, и сама не разбилась, и Яву не угробила, просто на бок завалилась, руку вывихнула. Но прилично вывихнула, дальше ехать не могла. Хорошо, это в нашем районе, в соседнем квартале случилось, я поблизости оказался. Ариадна меня вызвонила, попросила подойти, помочь до дома добраться. Я, конечно, примчался, да только как подступиться к бензиновому монстру не сразу сообразил. Не представлял еще, с какого боку к байку подходить, за какие извилины братья. Чем сильно Ариадну разозлил.

-Рома! На нас смотрят как на придурков! – возмущалась она, удрученно вышагивая рядом со мной, волокущим ее железного коня в стойло – в подземный гараж под нашим домом.

-Ты сама говорила, не стоит обращать внимание на посторонних.

-Мало ли что я говорила! Сейчас я чувствую себя посмешищем.

С тех пор Ариадна стала учить меня мотоцикловодению.

-Чтобы в следующий раз ты был в состоянии помочь мне по-настоящему, - так обосновала данную трату своего и моего времени.

-По-настоящему? Я же дотащил твой байк до гаража.

-Попутно сам опозорился и меня опозорил.

-А ты не падай, едь аккуратно, - упрямылся я - нисколько не горел желанием передвигаться на двух колесах с мотором. Одно дело – неторопливый, послушный велосипед, и совсем другое – разгоняющаяся до ста км «Ява».

-Аккуратно?! Да по нашим дорогам как ни едь, навернешься. Даже с самоката. Яма на ямине, колдобина за колдобиной. Автомобилисты – снобы, пешеходы – бестолочи, каждый второй - Анна Каренина, под колеса кидается.

-Может, хотя бы по дворам следует помедленнее ездить? И тогда моя помощь тебе не понадобится.

-Может, вообще ползать начать? Ром, мы кто – люди или пресмыкающиеся?

В итоге научила водить мотоцикл. На тот драматический случай, когда снова, не дай бог, упадет и что-нибудь очередное себе вывихнет. Подружила брата с байком. А как подружила, принялась этой нашей дружбой активно пользоваться. Нет, больше она, слава богу, сильно не падала, руки, ноги не травмировала. Зато я стал ее службой доставки – на вокзал, с вокзала, в аэропорт, из аэропорт. Плохо только, что я пару лет без прав ездил.

-Ром, у тебя ж «А1»! - дядя Ваня близоруко поднес прямоугольник моего новенького водительского удостоверения к самому своему носу. – «Легкие мотоциклы». До ста двадцати пяти кубиков. А у Кавасаки – шестьсот пятьдесят! Разницу чувствуешь?

Вернув себе свои куцые права, я безрадостно посмотрел на небо.

-Не переживай так, Ром! – расстроился больше меня дядя Ваня. – Посуди сам, как же я тебе Кавасаки отдам? Я тебе его отдам, а ты что же, по улице на нем поедешь? Не порядок! А ежели что случится? Дороги нынче мокрые, скользкие...

Не убирая с лица страдальческого выражения, он рассказал мне о том, как сложно сейчас стало водить машину. Какие все стали нервные. Как прут напролом, не соблюдая ни дистанции, ни интервала. Следом дядя Ваня неласково помянул Ариадну, подкинувшую нам с ним хлопот, и которая, когда вернется из Индии, сама должна будет забрать у него мотоцикл, не перекладывая такое ответственное дело на плечи младшего брата.

-...Я ж из города отлучаться не собираюсь. Но ежели она меня не застанет, ежели я на дежурстве буду, пушай ключ от гаража у супруги или Андрюшки возьмет. У нас дома всегда кто ни то толчется. Андрюшка гулять совсем перестал. Нынче с самого ранья в компьютер уткнулся. В игрушки играет. Вот тебе и каникулы! Ты-то хоть каждый день на свежем воздухе бываешь?

-Каждый, - кивнул я. – А вы на какое дежурство ходите?

-Да вот устроился охранником на мебельный склад. Нынче зараз на двое суток подрядился. Сменщик попросил за него отдежурить. Тебя подвезти?..

Всю дорогу, пока мы с дядей Ваней шли от подъезда до его «Калины», я искал выход из сложившейся ситуации, думал, на чем встречать «хорошего человека» из Индии? Старая «Ява», на которой я теперь с полным правом могу ездить, давно продана, общественным транспортом сестра пользоваться запретила. Оставалось дорогое такси. Но тут мне в голову пришла... нет, не то что бы замечательная, даже наоборот, отнюдь не похвальная, а дерзкая и авантюрная в духе Ариадны идея...

-А? Что? Подвезти? - переспросил я. - Если только до остановки.

Выбравшись возле остановки из дяди Ваниной машины, я махнул своему законопослушному родственнику рукой, развернулся и пошагал в обратном направлении.

Двенадцатилетний сын дяди Вани Андрюшка выдал мне ключи от отцовского гаража без лишних вопросов. Потом снова к компу бросился, проходить двадцатый уровень чего-то там.

«Надо будет Каву в гараж вернуть прежде, чем дядя Ваня со своего склада возвратится, - рассудил я. - Это значит, времени у меня - до завтрашнего вечера. Ничего, в полдень отвезу индийского гостя обратно в аэропорт и – стрелой к Печекладовым. С Андрюшкой договорюсь, подкуплю чем-нибудь сладким, не проболтается».

Покончив с проблемой транспортировки чужеземца, я задумался над тем, как быть с Борисоглебскими. Было бы некрасиво просто не прийти к ним, даже имея на то вескую причину.

Решил не врать, сказать, как есть: дескать, приезжает важный иностранец, и я обязан его встретить. А дальше пусть Ариадна за мой прогул перед мамой отчитывается, докладывает, где она этого иностранца откопала и почему сама его не встретила.

Звонить Нининым родителям не захотел, посчитал, что будет лучше, если я лично засвидетельствую им свое почтение. Сделать это наметил после обеда, даже чуть позже, с тем, чтобы затем сразу отправиться в аэропорт: «Часов в пять. Если заехать к Борисоглебским раньше, они успеют маме позвонить, наябедничать, а после пяти у них - запарка, последние конвульсии перед приемом, однозначно не до меня».

Встретив меня раньше положенного, Нинина мама была немало удивлена.

Сначала ее поразил мой внешний вид – линялые джинсы и футболка. Хорошо еще я кожаную байкерскую куртку (подарок Ариадны на день рождения) предусмотрительно снял и вместе со шлемом засунул в один из кофров, что предусмотрительно прицепил к Кавасаки.

Потом госпожа Борисоглебская узнала причину, по которой я приперся в неурочное время, и несказанно огорчилась. Запричитала на всю прихожую:

-Роман! Как прискорбно! Я раздосадована.

При этом она пыталась меня как можно глубже в квартиру затащить, но я ловко упирался, твердил на ломаном французском: «Увы, madame! К великому сожалению тороплюсь. Mille pardons».

Вопреки уверениям Ариадны, чокнутой госпожа Борисоглебская не выглядела. Это была красивая статная женщина с бриллиантами в ушах и на шее. Я не спец в драгоценностях, но в том, что рассыпанные по телу madame прозрачные камушки были не стекло, уверен железно.

Наконец, утомившись от собственных ахов и охов, госпожа Борисоглебская пропела в недра квартиры:

-Ниночка, выйди в переднюю, будь любезна. У нас Роман Телятевский. Жаль ненадолго.

Появившейся Нине я был представлен торжественно и церемонно, как на императорском военном параде: «Его сиятельство князь Роман Телятевский!» У меня аж мурашки по спине побежали.

-Нина, - чуть слышно промолвила Нина.

-Роман, - кивнул я.

Она была и похожа на мать, и не похожа. Ее красота «дышала». Если госпоже Борисоглебской больше подходила роль Снежной королевы, то Нина вполне могла бы сыграть Пушкинскую Татьяну. Или Людмилу, невесты Руслана. Ту, что «прелестна прелестью небрежной», «чувствительна, скромна, любви супружеской верна». Только Людмила была блондинкой, а Нина темно-русая. Кстати, с ушами и глазами у нее все оказалось на высшем уровне. За прямоту ног, правда, я бы головой тогда не поручился – на Нине опять оказалась длинная юбка.

Представившись, мы замолчали. А что мне было говорить? Не объяснять же по второму разу, почему я не могу присутствовать на предстоящем вечере. К тому же все это и без меня специально для дочери озвучила госпожа Борисоглебская.

-...Неожиданный и очень, очень печальный поворот! – заломив руки, сказала она. – Мы все так надеялись, что вы, Роман, будете у нас сегодня!

-Увы! - ее жестикуляция оказалась заразительной, и я так же взялся экспериментировать с рукам – наиглупейшим образом помахал ими над головой, словно артист призывающий публику не скупись на аплодисменты.

-Ниночка собиралась поговорить с вами о Бродском и Пелевине. Мы с мужем плохо разбираемся в современной поэзии, она же ей так увлечена!

В этот момент я не смотрел на Нину, но мне показалась, будто она метнула в мать полный недоумения взгляд. Впрочем, тотчас безмолвно опустила глаза в пол.

Я также промолчал, хотя до недавнего времени был уверен, что Пелевин не поэт.

-Возможно, Роман, вы найдете возможность заглянуть к нам в другое, свободное для вас время? – продолжала меж тем обрабатывать меня госпожа Борисоглебская.

-Да. Возможно, - промямлил я. - Так вышло. Если б завтра...

-Завтра вы свободны?! – ухватилась за нечаянно оброненное мной слово Нинина мама.

-В общем-то... да.

-Какое чудо! Понимаете, как раз завтра мы с Ниночкой собирались в оперу. Ах! Дают «Жизнь за царя». Прелесть! Мы так мечтали сходить. Забронировали ложу, но я – к огромнейшему несчастью! – не могу! Неотложные дела. Не я, не Ниночкин папа никак не можем!

И опять мне показалось, что в Нининых глазах блеснула маленькая молния. Видимо, она чему-то удивилась. То ли тому, что родители не могут пойти в оперу, то ли сам факт грядущего похода в театр был ей доселе невдомек.

-И если вы, Роман, завтра вечером свободны, - продолжила госпожа Борисоглебская, - не составите ли в таком случае Нине партию?

«В оперу?! – ужаснулся я. Однако быстро успокоился: – А почему, собственно, нет? Может, если я соглашусь, Борисоглебские не накапают маме о моем прогуле «великосветского» приема?»

К тому же, откровенно говоря, Нина мне понравилась. Да и жалко мне ее как-то стало. Стоит, потупившись, матери не противоречит, смотрит на меня то ли с опаской, то ли с мольбой: «Пойдем, Рома, в оперу. Меня одну вообще никуда не выпускают». Это я конечно, придумал, хотя что-то похожее на лице моей новой знакомой все же читалось.

«Почему бы не сделать человеку хорошее? – решил я. – С меня не убудет. На завтрашний вечер я не зафрахтован. Отправлю индийского гостя обратно в его душный Бомбей, и пойду с красивой девушкой в театр».

В результате я дал согласие на оперный поход, записал на всякий случай телефон Нины, договорился, что зайду за ней за полчаса до начала спектакля, раскланялся и вырвался на свободу.

Возле аэропорта я появился вовремя и среди встречающих рейс из Мумбаи оказался как раз тогда, когда объявили о том, что он совершил посадку.

Естественно, мотоциклетный шлем, как опознавательный знак принимающей стороны, был только у меня. Кое-кто держал в руках листы бумаги с написанными на них фамилиями, кто-то даже табличку на палочке, но шлема я больше ни у кого не заметил. Умеет же Ариадна подставить! Очень хотелось отыскать ее и спросить: «Скажи, так любящая младшего брата сестра, отчего бы мне эту каску вообще на голову не надеть, а? Для полного сходства с идиотом». Сама-то Ариадна без комплексов, и, что удивительно, в ее исполнении любые чудачества ни ажиотажа, ни общественного порицания не вызывают. Может босой по улице прогуливаться и туфлями жонглировать, а встречные прохожие будут только улыбаться: «Ах, какая прелестно-непринужденная девушка!» Я же постоянно думаю о том, что все на меня косо смотрят. От этого рука тянется проверить, не расстегнута ли ширинка и не торчат ли волосы на макушке.

Как только показались первые «мумбайцы», мой шлем взвился над толпой. Куда деваться?

«Кем может быть этот «хороший человек» из Индии? - гадал я, рассматривая шагавших на меня людей. – Скорее всего, тем, кто оказал сестре и Грише услугу, стоимостью короткой поездки в Россию. Например, этот индус мог дать им свой автомобиль. В прокат или даже насовсем. Ариадна собиралась сразу по прибытии в Индию обзавестись автомобилем, чтобы путешествовать по другой цивилизации

«беспрепятственно и безоглядно». Да, наверняка, однодневным туром в холодную Московию Ариадна расплатилась за какую-нибудь четырехколесную развалюху времен Рабиндраната Тагора. И сбавившим ей эту рухлядь окажется, вероятно, типичный усатый индус лет сорока...»

Каково же было мое удивление... Черт! Да я офонарел, когда передо мной замерла невысокая (на голову ниже меня) и хрупкая, как цветок жасмина девушка. Эфирная индианка в скромном белом сари и легких – две тонких полоски желтой кожи - сандалиях. На ее смуглом красивом лице светилась детская наивная улыбка.

Вот тебе и усатый индус, владелец задрипанного «Форда» тридцать пятого года!

В руках неожиданная гостья держала дорожную сумку Ариадны. Что ж, прочь сомнения: «хороший человек» из Индии это - именно она, девочка в сари и сандалиях.

-Roma?

Я кивнул и икнул. Заготовленное «Welcome to Russia» застряло глубоко в горле. «Ладно, не паниковать! Стоять, не падать», - я глубоко вздохнул, чтобы отогнать икоту, выдохнул и поприветствовал иностранку на безупречном (зря что ли столько лет учил) английском:

-Good day.

-Good day! - радостно согласилась гостья, и, позвякивая тонкими серебряными браслетами, просунула такую же изящную ручку в нутро сумки.

-Do you checked luggage? – спросил я. – Is this all your stuff?

Индианка ничего не ответила, только еще шире улыбнулась и выудила из сумки многократно сложенный лист бумаги. Таинственно встряхнула, словно это был пакетик с волшебными пряностями, и протянула мне:

-Message.

-From whom? – разворачивая «послание» глубоко вдохнул я. Мне и в самом деле показалось, будто в воздухе повеяло кардамоном. «From whom?» От кого, от кого? Ясно, от кого. От Ариадны.

Очередное «Вау!» Все-таки Ариадна кардинально изменилась в своей Индии. Сначала – письмо по электронной почте, теперь - на бумажном носителе. Новая ступень развития. Естественно, рукописных посланий от сестры я также никогда не получал. Тем обиднее было бы получить от нее скучный манускрипт тривиально-нравоучительного или климатически-описательного содержания. Впрочем, Ариадна не была бы Ариадной, если бы произвела подобный message. И прочитав ее сногшибательное послание, я лишний раз убедился в том, что ни у кого другого на всем белом свете нет такой удивительной сестры. Хотя начинался «пакетик пряностей» излишне приторно:

«Дорогой братец, с комсомольским приветом к тебе, твоя любящая сестра Ариадна. Погоды у нас здесь на берегу Индийского океана стоят замечательные: беззаботный южный ветерок игриво ласкает кудри, нежные соленые волны с тихим шуршанием накатывают на золотистый теплый песок...»

Впрочем, если сахарно-сиропное начало письма ничего угрожающего моей размеренной спокойной жизни не предвещало, то его токсичное продолжение перевернуло ее с ног на голову. Абзац с описанием чарующего индийского побережья оказался ложкой меда в бочке рыбьего жира, потому что далее решительно изменившимся почерком было начертано следующее:

«...Однако, ну их к демонам Раваны ваши аристократические политесы, князь! Ближе к телу, как говорил Мопассан.

Рома, девушку, что стоит перед тобой, зовут Шати. На самом деле ее зовут как-то не выговариваемо, но мы договорились, что для нас и для тебя она – Шати.

Итак, Шати - твоя, а ты – ее.

Офигел? Не торопись, дальше страшнее будет. Нюхни нашатырю, он в аптечке, в левом кофре. Ты ведь прицепил кофры к Каве? Разумеется, прицепил, умница моя!

Так вот, во-первых, Шати – твоя гостья на одну ночь. Обратю в родную, полную чудес, непостижимую нами Индию она улетает завтра 28-го в 13.10...»

Я вскинул глаза на электронное табло под потолком терминала, зафиксировал время и дату, после чего продолжил читать Ариаднин message.

«...Да, да, посмотри на часы и отложи в памяти время ее отлета, благоразумный ты мой. В общем, будь добр, доставь Шати завтра к указанным 13.10 в аэропорт и посади на обратный рейс. Дальше - не твоя печалька.

А сейчас, Ромашка, схватись за что-нибудь или лучше сядь – Шати тебе почти что жена. Мы здесь, в Индии даже вашу свадьбу справили. В роли жениха выступала твоя фотография. Во как! Не веришь сестре? Хочешь знать, как тебя без тебя женили? Пожалуйста.

Где-то с неделю назад мы с Гришкой, нагулявшись по Бангалору, пустились в обратный путь на побережье. Езда по джунглям, надо сказать, братец, увлекательное дело. Особенно если ты переступишь через свой природный страх и свернешь с шоссе на поманившую тебя проселочную дорогу. На одну из таких узкоколеек мы и зарулили.

В конце концов, невозможно узнать Индию, валяясь на пляже или таскаясь за экскурсоводом по Bangalore Palace. Нам хотелось увидеть настоящих сикхов, махараджей, шерханов с бандерлогами.

Проплутав полдня по безлюдным джунглям и уже смирившись с тем, что придется заночевать в машине, к вечеру мы выехали на берег преградивший нам путь реки. Мелководной, судя по изобилию цветущего в ней лотоса, но и настораживающей чернотой своих тихих вод. В тихом омуте, сам знаешь, кто водится.

«Завтра придется ехать обратно, - сказал Гришка. – А жаль. Ничего страшного и интересного с нами за весь день так и не случилось. Ни одного Каа не переехали, ни с одним сипаем не сразились».

«Погоди скулить и разворачивать оглобли! – воскликнула остроглазая я. – В ста метрах по правому борту – деревянный мост! Поспешим к нему, возможно на другом берегу нас ждут приключения!»

Мы рванули к мосту, форсировали по его горбатой спине черную речку и с надеждой встретить Ганешу пропустили по убегающий в заросли высоченного тростника тропе. Она привела нас в деревню Шати, туда, где живет ее удивительное племя. И мы расчудесно провели там некоторое время...

Честно, княжич, рука писать устала. Поэтому обо всех умопомрачительных подробностях нашего тамошнего пребывания расскажу при встрече. А пока – про Шати.

Значится так: любой попадающий в ее племя чужестранец мужского пола обязан немедленно жениться на одной из местных девушек. Такова воля богов, Рома! Представь себе. Уж если ты заперся в эту глухомань, значит, тебе в этом помогли боги. Неспроста помогли. Не только по доброте душевной. А для чего, спрашивается, для каких благих целей? Догадался? Правильно! Для того чтобы племя Шати – благодаря иноземцам - не выродилось из-за неизбежных браков между родственниками.

Давай, не осуждай этих ребят! Их способ существования проверен тысячелетиями. Живут же и здравствуют! И вообще, это - законы их предков, очень-очень далеких предков. Таких далеких, что ваш Рюрик пред ними дитя малое.

Интересуешься, каким способом мне удалось уберечь Гришу от местных невест? Я его, понимаешь ли, обменяла на другого, более завидного жениха. На тебя!

Прости, брат.

Ты только оцени, каких усилий мне это стоило! Знаешь, в каких красках, какими звонкими эпитетами я тебя расписывала! И это при том, что Шатины сородичи практически не понимают по-английски. Слава Шиве, нашелся среди них один полиглот, толстенький лавочник, посредством него я и вещала миру о твоих мужских достоинствах.

Дальше я придумала, как транспортировать выбранную тебе в суженые девочку до России и обратно.

И вот четыре дня назад мы – я, Гриша, Шати и толстый лавочник, как официальное лицо племени – добрались до Бомбея, где на всякий случай прошли полноценное медицинское обследование, а также путем немалых финансовых вливаний в местный и отечественно-консульский бюрократический аппарат оформили Шати паспорт плюс визу. После купили ей билет на красивый самолетик с милой русскому сердцу надписью «Аэрофлот» на гладком серебристом фюзеляже. Обратную плацкарту тоже оплатили, так что не волнуйся.

Не волнуешься? И правильно делаешь.

Рома, Шати – очень хорошая девочка, не обижай ее. И понять не старайся. Все эти однодневные браки - не нашего европейского ума дело. Ну, вот так необычно существуют эти люди. В гармонии с природой и совестью. Такой у них многовековой уклад жизни, религия такая.

Не напрягай мозг, не думай понапрасну, зачем ты нужен Шати. Ее саму не спрашивай, у нее английский на уровне детского сада: элѐфант, гуд дей и сенькью. И то – благодаря моим стараниям.

В общем, расслабься и получай удовольствие.

А для девочки, кстати, встреча с тобой - великий и, быть может, самый светлый момент в жизни, не испортить его ей. Не оскорби чувства и веру человека. И вообще, завидую тебе, Ромка! Ты будешь лично участвовать в древнем индийском обряде!

Что еще? Вещишек у нее с собой нет, как и денег, так что корми за свой счет.

Всё. Счастливого времяпрепровождения. Мне можешь не звонить. Из принципа не отвечу. Поговорим дня через три. Намастэ! Твоя заботливая сестра Мумбариадна.

P.S. Что-то я совсем вдали от родины расклеилась, распустилась. Никогда таких длинных и нежных писем не писала. Все о любви да о любви. Сплошные чувства. Кстати, Ромашка, я ведь ничего толкового тебе на День рождения не презентовала. Шестнадцать лет, не хухры-мухры, а я какую-то куртку подарила, родная сестра называется! Давай будем считать моим настоящим подарком тебе эту встречу с индийской снегурочкой. Все-таки общение с необычным человеком – огромное счастье, не правда ли?

Интернациональные совет вам да любовь, ребяташки.

Остаюсь ваша всепланетарная сводница, А. Ааронзон».

Пока я, потев и напрягая скулы, читал письмо моей ненормальной сестры, индианка смиренно стояла рядом, не решаясь поставить сумку на пол и не помышляя сделать без моего ведома лишний шаг. Время от времени я отрывался от письма и бросал на нее короткие

изумленные взгляды, в ответ на которые Шати счастливо улыбалась и хлопала длинными черными ресницами. Ждала, когда я скажу, что делать дальше, в каком направлении ей следовать.

И тут я очень сильно испугался. До дрожи в коленках. Испугался того, что сейчас мне надо взять ее к себе домой, а там... Что будет там? «Что же ты натворила, Ариадна?!» - со страхом думал я.

Потом попытался себя успокоить:

«А вдруг всё это розыгрыш? Вдруг Ариадна просто смеется над простодушным братом, а я, простофиля, поверил тому, что она написала. Может, этой Шати надо бегло показать Россию, и только. Экспресс-экскурс по экзотической северной стране. Может быть, какие-нибудь знакомые Ариадне индусы попросили сделать их дочке приятное, а? Ведь не могла Ариадна так быстро сварганила девочке из джунглей паспорт и визу. Ладно, сейчас разберемся, развеим сомнения».

-Welcome to Russia Shati! – засовывая злополучное письмо в карман, как можно жизнерадостнее, сказал я. Успокоил коленки и предложил гостье не откладывать в долгий ящик знакомство с Рашен Федерейшен: – I hope the trip was good and you was not tired. Maybe we shouldn't waste time and start the sightseeing immediately?

Ответа не последовало. Шати не поняла ни слова.

«Кажется, реально из джунглей. Катастрофа, - теперь у меня заныло под лопаткой. - Что делать-то? Может, оставить ее здесь на ночь? Вот я попал! Черт! Черт!»

-Go, - я протянул руку, чтобы взять у Шати сумку. Но она покачала головой: «Я сама», и приподнялась на носках, выказывая готовность выполнить любую мою команду.

-Ок, - сглотнул я и показал подбородком в сторону выхода.

Стоя возле мотоцикла и подавая Шати шлем я подумал, что взбираться на байк и, тем более, ехать на нем в сари будет неудобно. Ошибся. Гостья не растерялась ни при виде шлема, ни при посадке на двухколесное транспортное средство. Дождавшись пока я закрою кофры и сяду на Каву, она, играючи, будто практиковалась в этом с малолетства, вскочила «в седло» и крепко обняла меня своими тоненькими, волнующе позвякивающими браслетами ручками.

«Может, надо отвезти ее поужинать? - подумал я. - Только куда? В индийский ресторан? А где у нас такой? Да и пустят ли нас в ресторан? Это на мотоцикле в шестнадцать лет ездить разрешено, а пускают ли шестнадцатилетних в рестораны, да еще после восьми, не известно. Выходит... едем домой?! Ой, как всё плохо!»

О чем еще я думал, пока мы ехали? Следил за дорогой, отвлекая себя от предугадывания будущих событий. И продолжал тешить себя гипотезой, что все происходящее – шутка, и что, как только мы войдем в квартиру, Шати рассмеется и скажет: «Это была программа «Розыгрыш!»»

Подъехав к дому, я не стал высаживать гостью у подъезда, а вместе с ней проследовал в подземный гараж. Не хотел лишний раз привлекать внимание соседей. У нас, конечно, народ черт те в чем ходит, но чтоб в сари! Не припомню такого.

В полутемных катакомбах подземного гаража Шати не понравилось. Она сразу как-то сжалась, затрепетала. Понятно: дитя природы, бабочка, мотылек. Наверняка ей железобетонное подземелье преддверием ада показалось. Пришлось спешно вывести на свет, на свежий воздух.

В ходе экскурсии по нашей стандартной квартире Шати больше всего понравилась мамина комната, спальня. До меня не сразу дошло, почему она раз за разом туда возвращалась. При том, что я настойчиво обращал внимание гостьи на иные, казавшиеся мне

более привлекательными, объекты - на просторную лоджию с велотренажером и хорошим видом, на кухню, оснащенную удивительными гаджетами, даже на ванну с гидромассажем. Мне казалось, что жительницу тропической тьмутаракани должно было заинтересовать как раз техническое оснащение моего жилища. Однако Шати все время тянуло в спальню. Потом до меня дошло, в чем дело. Она оценивала помещения по наличию и качеству имевшихся в них лежачих мест, постелей. И если в моей комнате стояла по-спартански узкая и жесткая почти что «скамья», а у Ариадны сложенный диван, то в маминой спальне властвовала большущая двуспальная кровать с толстенным ортопедическим матрасом. И вот когда осматривать в нашей квартире было уже больше нечего, Шати в очередной раз направилась именно к этому двуспальному монстру. Подошла, значительно («О, господи!») посмотрела на меня и, взявшись за покрывало, стала медленно стягивать его на пол.

-Ты здесь хочешь лечь? – воскликнул я. – Хорошо! Устала? Do you want to go to bed?

Гостья заулыбалась и закивала.

-Do you want to sleep? - у меня забрезжила надежда, что, притомившись, она быстро уснет. - Ложись, не буду тебе мешать.

Я сделал шаг назад, собираясь ретироваться, но Шати остановила меня легко понятным жестом - черпнула ладошкой воображаемую воду и вылила ее себе на лицо.

-Хочешь умыться? Да-да, конечно. Пойдем. Помнишь, где у нас bathroom?

Запустив Шати в ванную, я стал показывать ей, как пользоваться смесителем, как взбивать пену, что шампунь, где мыло. Руки у меня немного тряслись, а внутренности горели, словно я напился кислоты.

Шати молчала и улыбалась. Наконец, я показал ей на халат, сказал: «Bathrobe» и вышел. Она пустила воду, я прикрыл дверь. Зашелка не щелкнула.

«Не понятно, поняла ли она, что после ванны следует надеть халат?!» - подумал я и кинулся к дивану Ариадны, чтобы вытащить из него большую махровую простыню веселого оранжевого цвета.

Потом тем же аллюром вернулся и встал часовым на расстоянии двух шагов от двери ванной комнаты. Простыню держал развернутой, раскинутыми в стороны руками, так, чтобы - если что! - сразу накинуть ее на голую («Не дай бог!») гостью.

Но бог не внял моей молитве и дал. Индианка вышла из ванной, как я и предполагал, без халата и без сари. В одних серебряных браслетах. Только я был готов к этому и стремительно как искусный птицелов набросил на Шати свою оранжевую «сеть». Набросил и ловко замотал в нее не успевшую и ойкнуть гостью:

-Замерзнешь!

Шати замерла, спеленатая и удивленная. Кажется, я помешал ей начать совершать древний индийский обряд.

-Хочешь есть?

Я раскрыл рот и замахал перед ним фантомной ложкой: «Ам, ам, ам!»

Шати пожала плечами и с постной миной кивнула.

Я кинулся в свою комнату, к компьютеру с целью узнать телефон доставки какой-нибудь, желательно индийской еды. Замотанная в простыню гостья пошлепала следом, оставляя на полу маленькие мокрые следы.

-Тапочки! – развернувшись, я рванул в прихожую. Вернулся с мягкими голубыми тапочками и присел на одно колено перед Шати. На лицо гостья вернулась улыбка.

-Сейчас закажу еду, - сказал я, надевая тапочки на ее кукольные ножки, - и мы поужинаем. Я тоже проголодался.

Усевшись перед компьютером, я позвонил в первый попавшийся ресторан индийской кухни и стал очумело заказывать то, что было нарисовано на главной странице

его сайта. Слава Шиве, меня остановили - спросили о вкусовых предпочтениях. Я честно ответил, что буду пробовать продукцию их заведения первый раз. В итоге мне составили «идеальное» меню, с которым я полностью согласился.

-А когда доставите заказ? – заикаясь, поинтересовался я после того, как стоявшая позади Шати положила мне на плечо свою позвякивающую браслетами ручку. Оказалось, не раньше чем через час.

И не успел я распрощаться с ресторанным менеджером, как вторая рука гостьи коснулась моей головы...

Маленькие пальчики индианки нырнули в мои волосы...

Уши раскалились, приятно закололо между лопаток...

Неожиданно стало до невозможности хорошо...

Я ощутил невесомость, и, отрываясь от земли, краем глаза заметил, как упала на пол оранжевая простыня...

Заказ привезли, как обещали, через час.

Ели на полу, возе кровати. Сабджи, бириани, алу гоби...

Потом пальцы Шати снова оказались у меня в волосах, и я опять «полетел»...

Помню утром, в начале седьмого лежал на спине и смотрел в потолок. Шати тихо посапывала рядом, протянув руку к моему лицу, едва не дотягиваясь до него. Я ощущал тепло ее темных пальцев, их диковинный, но приятный аромат.

Я думал о том, что познал левитацию и что совсем повзрослел. Как того желала Ариадна. И мне захотелось обо все, что случилось, кому-нибудь рассказать.

Завтракали опять на полу. Ели то, что не доели накануне. Сколько всего, оказывается, я заказал!..

Я много говорил. Не мог молчать. Тишина смущала. Я рассказывал о нашей семье: об Ариадне, о маме, обо всех Телятевских. Говорил то на русском, то на английском. Шати не прерывала. Иногда, услышав знакомое слово, оживлялась, взмахивала позвякивающей браслетами ручкой и счастливо кивала. Лишь однажды позволила себе заговорить. Я в тот момент буровил что-то про князей-рюриковичей – *princes Rurikids*.

-You... - Шати нежно дотронулась до моего запястья, - ...*russian prince*?

Я улыбнулся и кивнул: «Yes». А что? Да, я – русский принц.

Потом мы решили, что стоит прогуляться.

-Do you want to go for a walk? - спросил я, протянув руку в сторону окна.

Шати кивнула.

Надо было только подходяще приодеть мою неординарную девушку. Пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что кое-что из одежды моей сестры-сводницы будет Шати в самый раз. В шкафу Ариадны нашлись подходящие по размеру женские джинсы, футболка и кроссовки. А когда Шати собрала волосы в хвост, она и вовсе стала похожа на одну из моих одноклассниц или подружек Ариадны. Разве что заметно смуглее их и красивее. Я даже залюбовался ею. Это же моя девушка, черт возьми!

Оседлав Каваски, мы вырвались из мрачного гаражного подземелья и затем больше часа кружили по городу. Шати крепко обнимала меня, а я, позабыв про правила, безоглядно носился по улицам, площадям, мостам и эстакадам...

Когда вернулись домой, я включил музыку, что должна была понравиться Шати, а она запустила мне в волосы свои удивительные пальцы...

Потом я отвез ее в аэропорт. Когда расставались, Шати не поцеловала меня, только сложила ладошки словно для молитвы: «Namaste prince» и, кротко улыбнувшись, склонила голову.

Прощай, сказочная девочка из удивительной страны, будь счастлива, я тебя никогда не забуду.

III

Из аэропорта я поехал ставить Кавасаки в печекладовский гараж. Но на полдороге передумал: «Да ну, в конце концов! Почему я должен это делать? Байк не дяди Вани, а Ариадны, и она разрешила мне им пользоваться. Да и вообще, я – взрослый мужчина! Кстати, что дальше, взрослый мужчина? Останешься в городе? А что если вообще не слезать с байка, ехать, куда глаза глядят, останавливаться на ночь в гостиницах маленьких провинциальных городков, а рано утром снова и снова ехать и ехать...»

На душе у меня было легко, светло, и жизнь казалась удивительно простой. Простой и замечательной.

«А что если тоже рвануть в Индию? – неожиданно озарила меня очередная шальная мысль. – И Ариадна перестанет называть меня «Маугли, воспитанный диваном».

Но потом я вспомнил, что для поездки в Индию нужна виза.

«Тогда, может, в Штаты? Американская виза у меня имеется, мама сделала, чтобы мы с Ариадной могли в любой момент сорваться и приехать к ней. Действительно, не махнуть ли в Штаты? Решено! И не обязательно сразу к маме. Можно на Ниагарский водопад или в Голливуд. А уже потом к маме. Только сначала нужно сделать два важных дела. Два безотлагательных дела».

Во-первых, я позвонил Нине Борисоглебской:

-Привет, это Роман. Роман Телятевский.

Услышав мой голос, она, похоже, растерялась и чуть слышно выдохнула:

-Добрый день.

-Ты действительно мечтаешь послушать эту самую «Жизнь за царя»? – спросил я без предисловий. И тотчас, чтобы Нина не подумала, будто я отказываюсь провести с ней вечер, добавил: - Могу предложить альтернативу – давай сходим не в театр, а в гости к одному небезынтересному человеку. Тоже, кстати, недалеко от искусства. Как тебе такой вариант? Или все-таки в оперу?

-Можно в гости, - согласилась Нина. Ну, точно: ей хоть куда вырваться. «Домострой!», как говорит Ариадна. Держат ребенка взаперти из якобы благих целей.

-А не жалко, что билеты пропадут? Вряд ли мы их кому-нибудь толкнем.

-Не жалко.

-Вот и славно. Только ты родителям не говори, что мы в оперу не идем, ладно?

-Ладно.

-О кей. Полшестого буду у вас.

Полшестого я стоял лицом к лицу с госпожой Борисоглебской и уже с тайным злорадством наблюдал за ее реакцией на мой внешний вид. За ее открывающимся ртом и округляющимися глазами.

Да, я по-прежнему был в джинсах и футболке. Согласен, в оперу так не ходят. «Ну и что? – помню, подумалось мне. - И вообще, какое дело господам Борисоглебским до того, в каком виде я иду в театр? Если не нравлюсь, пусть не отпускает Нину со мной».

Но госпожа Борисоглебская Нину со мной отпустила. А когда дочь появилась в прихожей, спросила:

-Роман, на чем вы поедете? Может, вызвать такси?

-Не стоит. До театра нас довезет мой знакомый, - соврал я. - Он у соседнего дома припарковался. А вот обратно мы поедем на такси. Как спектакль закончится, сразу приедем, не переживайте.

-Что вы, Роман, что вы! Когда вы с Ниной, я спокойна. Не торопитесь! Я даже буду рада, если вы задержитесь. Погуляйте, полюбуйтесь вечерним городом. Сейчас стоят такие вечера! А вы – люди молодые. Ах!

Она сладко заулыбалась, и мне моментально вспомнились угрозы Ариадны: «Устроят Борисоглебские тебе с их дочкой романтическое свидание!..»

-Жучков на тебе нет? – вполголоса спросил я спутницу, войдя в лифт.

-Что?

-Нас не прослушивают? Ладно, забудь. Не передумала насчет оперы? Точно не идем?

-Не идем.

-Правильно. «Жизнь за царя» - не про нас. Кстати, что там поют, можно в интернете глянуть. Подготовиться, если твои родители спросят.

-Я уже посмотрела.

-Супер. Расскажешь потом.

Мы вышли из подъезда и я, показал глазами вверх:

-Смотрит?

Нина поняла, что я спрашиваю про ее маму и утвердительно кивнула.

-Бывает. Моя мама раньше тоже все время смотрела, когда я из дома выходил. Нам вот туда, за угол, там наше средство передвижения.

Я намерено поставил Кавасаки так хитро, чтобы Борисоглебские его из своей квартиры с ее периферическим обзором не углядели. Мало ли, что от них ожидать стоило, узнай они про байк.

-Ты на... «коне»?! – поразилась Нина, когда я по-хозяйски открыл кофр и достал из него шлем.

-Не на белом, - рассмеялся я, сразу вспомнив, как Шати назвала меня принцем.

-Это... неважно. Я всегда мечтала...

Она не договорила, а не стал пытаться, о чем же она «всегда мечтала». Может, о том, чтобы прокатиться на мотоцикле, а может, о том, что когда-нибудь за ней придет «принц на коне».

-Поехали? – я протянул Нине шлем. - Сказать, куда?

Она улыбнулась и помотала головой: «Всё равно!»

Отец жил в желтой сталинской шестизэтажке, там, где и положено жить «заслуженному, вот-вот народному художнику» - в центре города, на одной из тех именитых улиц, по которым экскурсии водят. Впрочем, дом отца «украшала» всего одна мемориальная доска. В честь конструктора военной техники. Она была предельно скромной, недавно установленной. Унылый эконом-вариант: похожий на кладбищенский памятник полированный гранитный прямоугольник. Фамилия-имя-отчество, годы жизни, род занятий. Разве что вместо крестика в углу - розочка.

-Знаешь, кто такой? – спросил я у Нины, показав подбородком на доску.

Она не знала.

-Я тоже. Может, и хороший человек был, но... Думаю, этот кусок гранита сюда прибили, чтобы дом от соседних не сильно отличался. На всех остальных – заметила? - доски гвоздями, а здесь как будто ни одного деятеля искусств, науки, литературы не проживало.

Мы подошли к подъезду, в котором, согласно старой эмалированной табличке, находилась квартира «21».

-Сюда, - сказал я и торопливо - словно опасаясь, что мне вот-вот кто-то помешает - нажал на нужную кнопку домофона.

Домофон открыл дверь немедля и без вопросов. Заготовленная речь: «Здравствуйте, это – Рома Телятевский» не понадобилась.

-Хм! - удивился я. – А если мы - воры?

Лифт проигнорировал, даже не посоветовавшись с Ниной. Сразу шагнул на широкую гулкую лестницу. Хотя и сосчитал, что квартира «двадцать один» находится на самом верхнем этаже.

Просто немного оробел. Предстоящий визит, на который я совсем недавно, казалось бы, так твердо настроился, уже страшил. Если днем увидеть отца и поговорить с ним вживую было для меня крайне важно, то к вечеру я не на шутку засомневался в необходимости нашей с ним очной встречи. Чего скрывать, я элементарно страшился общения с этим человеком. Комплексовал – вдруг разочарую, буду неинтересен, косноязычен, смешон. Между прочим, отец тоже вполне мог разочаровать меня!

Поднимаясь по лестнице, я по мере сил отгонял тревожные мысли, забывая их пустой болтовней. Без устали развивал тему ущербности дома, в котором оказался:

-...У домов тоже судьба есть. На этой улице столько великих людей понародилось, столько их здесь жило-проживало, умирало, в конце концов, а этого сооружения они как будто сторонились...

Нина послушно шла за мной, все также ни о чем не спрашивая. Вот человек! Ее, фиг знает, куда ведут, а она молчит и не отстает. Или с ней не все в порядке, или я настолько к себе располагаю, что за мной хоть на край света?

-...Может, в этом доме атмосфера творчеству не способствует? – между четвертым и пятым этажами я остановился и испытующе взглянул на свою спутницу. Нина, пожав плечами, виновато улыбнулась, и я продолжил: - Вполне возможно, не способствует. Хотя, что тогда здесь делает человек, к которому мы идем? Ведь он – художник. Кстати, не только художник, но и мой отец, с которым я сейчас встречаюсь первый раз в жизни. Вот такие дела.

Какой он, мой отец, как выглядит, говорит и даже улыбается, я знал от Ариадны. Все-таки она с ним общалась, ходила к нему домой, на выставки.

Между прочим, рассказывать об отце я ее никогда не просил. И так видел в интернете его фотографии, его картины. Считал, что обижу маму своим вниманием к этому человеку. Она, наверное, не напрасно вычеркнула господина Ааронзона из своей и моей жизни.

Хотя алименты отец платил всегда, и мама от этих денег не отказывалась. «Не обязан был платить, - просветила меня Ариадна. - Наша очень гордая мама ни на что не претендовала. Однако он платил. И на меня, и на тебя, безотцовщину».

Это были своеобразные алименты – деньги от продажи специально написанных для того картин. Два раза в год отец писал и продавал картины, плата за которые и была алиментами.

-Я все узнала, - сообщила однажды мне моя сестра-разведчица. – Суммы каждый раз приходили разные, но немаленькие. Кругленькие такие суммочки.

Ариадна, кстати, отцом поначалу тоже втихаря интересовалась. Это потом ей мама разрешила с ним встречаться, все-таки сестра в отличие от меня – Ааронзон. Но Ариадна все равно разговорами об отце маму не травмировала. И меня не сдавала, не разбалтывала, если я про него что-то все-таки спрашивал. Про него или про его друзей, других известных художников, которым отец Ариадну показывал и представлял.

Потому что Ариадна порядочная. Даже если я ей и досаждал своей «невменяемостью», нежеланием следовать благим сестринским наставлениям, она меня в неприглядном свете не выставляла. Ни перед кем. Перед мамой в том числе. Занималась моим воспитанием лично.

-Роман, валенок ты мой войлочный! – говорила она менторским категоричным тоном. - Не имеет никакого смысла жаловаться на тебя маме. Бесполезно упрекать ее в том, что ты тормоз, Untermenschen, прости господи, и никак не станешь полноценным человеком. Мама такая же мнительная и ранимая как ты. Две незабудки в моем огороде...

Вот «проехать» по маме Ариадна иногда себе позволяла. Правда, такие откровения опять же для чужих ушей не предназначались. Сор из избы Ариадна не выносила. Стоически боролась с недостатками ближайших родственников в одиночку, внутри нашей маленькой неполноценной ячейки общества.

-...У вас с мамой, Рома, чрезмерно чувствительная психика. Вы ко всему относитесь излишне серьезно. Без должного чувства юмора. И тут же грызть себя начинаете: «Ах, это я во всем виноват!» Вы слабохарактерные, безвольные...

-Вам уже психологию преподают?

-Смешно. Удачно пошутил. Можешь иногда. Только почему-то исключительно в общении со мной. С другими – бирюк бирюком. Блещешь остроумием и эрудицией в очень узком кругу. Не круг, а – точка. А психология у меня - на четвертом курсе. И если доживем до той поры, получишь по полной программе. До мамы я, наверное, уже не доберусь, ее Америка засосала, а ты получишь.

-Может, я к тому времени закалю характер?

-Будет чудесно. Осчастливишь. А пока ты – мнительный паникер. Весь в маму. Отличаешься от нее исключительно тем, что умеешь прятать свои подростковые страхи. А она свои – женские – наружу выплескивает. Что, я что-то не так сказала? Мама из-за ерунды с ума сходит. Срывается и с криками: «Спасите, конец свет!» бежит за помощью. Как обычно, не в нужную сторону. То к чокнутым Борисоглебским, то к тете Любе Печекладовой, то вообще к каким-нибудь посторонним фрикам. Я, конечно, люблю тетю Любу, но глупо спрашивать у нее, как лечить тонзеллит, только потому, что она просмотрела все сериалы про врачей!

Ариадна нас с мамой не жалеет. По косточкам разбирает. Боюсь представить, что будет, когда она на четвертый курс перейдет. Хотя, если прислушаться, то говорит она по делу. Еще бы не язвила. А вообще, однажды она вот так меня разбирала-прорабатывала, потом неожиданно замолчала, по-доброму улыбнулась и сказала:

-Эх, Ромка, спасибо тебе, что ты у меня такой адекватный. Другой бы начал на мои нотации, послал бы куда подальше, по физиономии съездил. А ты терпишь, слушаешь. Спасибо! Ты же понимаешь, я добра тебе желаю. Я ведь тебя очень, очень люблю. Только тебя и маму по-настоящему люблю. И, честное слово, я тебе так благодарна, что ты меня слушаешь.

Хорошая у меня сестра. А слушаю я ее не только потому, что она старше и добра мне желает. Она всё на свете собственным примером доказывает. Не то, что некоторые: «Бла-бла-бла, бла-бал-бала». Особенно «пожившие своё». Учат, мораль читают, а разужай про них побольше, и окажется, что сами-то они в жизни только и делали, что лгали да пресмыкались. Боялись, не пикали, перед начальством по струнке ходили, во всяких

очередях и колоннах послушно как овцы стояли. Потом вдруг возомнили, что могут других поучать, поругивать. Якобы вместе с прожитыми годами мудростью обзавелись.

А Ариадна не такая. Она если говорит, значит - знает, значит - проверяла. Значит, так оно на девяносто девять процентов и есть. И я ей верю. Один процент оставляю для случайной, несистемной ошибки, которая на общую картину существенно не влияет.

От Ариадны я знал, где живет отец и номер его мобильного. «Запиши на всякий случай, - настояла она когда-то. - Вдруг захочешь пообщаться. Отец, как ни как». Еще я знал, что до конца лета он никуда не уедет, будет работать в городе, потому, что в сентябре у него выставка.

И я позвонил ему. Долго настраивался, проговаривал первую фразу, думал, как представиться. Ничего не придумал, поэтому поступил как обычно – поморщился, стиснув зубы, и прыгнул в омут: «А! Как получится, так получится!» Схватил телефон и быстро – да, да, словно опасаясь, что мне кто-то вот-вот помешает - набрал отца.

Он ответил сразу. Тотчас. Возможно, держал телефон в руке. Впрочем, не все кто держит телефон в руке, без раздумий отвечают на незнакомый номер. А мой номер наверняка был для него незнакомый. Я, например, в таких случаях, прежде чем отвечать, долго гадаю, кто это может звонить? Опасаюсь чего-то. Бывает, и не отвечаю. Стыдно, конечно. Но мама тоже так делает. Я видел. Что ж, права Ариадна, мнительные паникеры мы. А вот отец ответил сразу.

-Да, алло, - услышал я его хриловатый голос и на секунду замешкался. Потом выпалил:

-Добрый день. Это – Рома Телятевский.

Теперь пауза повисла на том конце «провода». Но тоже короткая.

-Здравствуй, Рома... - осторожно растягивая слова, сказал отец. Он, в самом деле, как и говорила Ариадна, слегка картавил. Впрочем, голос у него был красивый как у диктора. Приятный мужской голос. – Рад тебя слышать. Честно признаюсь, рад. Я... Пуф! Я врать не умею. Краснею как рак, когда вру... Честно... Постой! Ничего плохого не случилось? С Ариадной? С мамой?

-Нет, - поспешил ответить я. – Я просто так позвонил.

-Отлично, - выдохнул отец. Похоже, он нервничал. И это, как ни странно, меня успокоило. - Хорошо, что ты позвонил! Я-то сам все время боялся. Трусил. Да... Думал, позвоню, а ты меня на три буквы!

-Нет, - я не знал, что сказать на такие его откровения, поэтому выпалил: - Можно, я зайду. Я на днях уезжаю. Не знаю насколько.

-К маме в Америку? – проявил знание нашей внутрисемейной ситуации отец.

-Ну...

-Да, неважно! Заходи, конечно. Слушай, я рад. Записывай адрес... - он торопливо продиктовал мне адрес, который я знал и так. – Рисункихвати.

-Рисунки?

-Ариадна говорила, ты рисуешь. Впрочем, как хочешь. Когда приедешь?

-Сегодня в шесть. Вы не заняты?

-Да даже если б занят был!.. Приходи, не вздумай передумать. Буду ждать.

Дверь двадцать первой квартиры была слегка приоткрыта. На пол-ладони. Мне ненавязчиво давали понять, что трезвонить в звонок незачем, заходи, Рома, не стесняйся. Спасибо.

Хуже, когда «ворота» во всю ширь расхлебаны, а хозяева на площадке дежурят, лифт слушают, через перила с воплями «Во-о-от они, наши гости дорогие!» перегибаются. Не люблю я этого. Не сторонник напускной собачьей радости и деревянных улыбок от

ушей. Не нравится, когда малознакомые граждане тебя тискают да лобызают: «Какой счастливый момент! Чмок-чмок. Как мы рады! Сто лет так рады не были!» Показуха, фальшь и амикошонство. Держите себя в руках, люди, будьте искренними.

Честно, меня сильно волновало то, как поведет себя отец в первую минуту нашего свидания: полезет целоваться или просто по-мужски пожмет руку. Меньше всего мне хотелось, чтобы он при этой, почти случайной и, главное, не им организованной встрече принялся хлопать меня по плечу, обниматься-радоваться: «Эх, Ромка! Какой ты большой! Давно же мы с тобой не виделись! Зато теперь заживем душа в душу!» С чего бы это, спрашивается.

Приоткрытую дверь под номером «21» я заметил еще с нижних ступенек последнего лестничного пролета, а взобравшись на просторную безлюдную площадку не нашел ничего более умного, как поинтересоваться:

-Открыто, да?

Черт, из-за накативших переживаний в очевидном засомневался. Глупо. Архиглупо. Почти всегда, когда нервничаю, глупею. Надо что-то с этим делать.

Впрочем, остановившаяся в шаге позади меня Нина ничего язвительного на констатацию мной бесспорного факта не сказала. Может, разве что усмехнулась про себя, и то вряд ли.

-Ладно, - беззвучно, одними пересохшими губами произнес я, после чего подумал о том, что предлагать Нине войти первой малодушно и неуместно. Все-таки – чужая квартира, не ко мне пришли. Эх, была не была! Открыв дверь ровно настолько, чтобы в нее мог войти человек моей комплекции, я шагнул в квартиру отца.

В полумраке поразительно длинной неосвещенной прихожей я не сразу разглядел молодую стройную женщину. Она стояла вполоборота ко мне, лицом к висящему на стене зеркалу, почти соприкасаясь с ним. Не знаю, что она там видела в полутьме, зато ее профиль поразил меня неимоверно. Увидев его, я даже позабыл про свои переживания насчет грядущей встречи с отцом. Изумился и едва не вскрикнул от удивления, настолько эта женщина была похожа на Ариадну! Спадающая на глаза челка, четко очерченный маленький подбородок и – самое главное – тот же ястребино-орлиный нос!

Я опешил. Ненадолго, но обалдел. Спустя пару-тройку секунд очухался, конечно, но все же! Уже присмотревшись, заметил, что стоявшая в прихожей женщина была чуть выше Ариадны, и не брюнеткой, а рыжей.

Это была жена отца. Варвара. Я знал о ее существовании. Однако о том, что они с Ариадной так похожи, меня почему-то не проинформировали. Да уж, не все подробности из жизни отца раскрыла мне моя обожаемая сестра, не все.

Появление беззвучно просочившегося в квартиру гостя было замечено Варварой с опозданием. Я даже хотел было кашлянуть, чтобы привлечь ее внимание, только не решился. Но не прошло и полминуты, как Варвара повернулась ко мне лицом и довольно приветливо, вовсе ненатурально, не деревянно улыбнулась.

-Здравствуйте, я – Роман Телятевский, - громче обычного сказал я и зачем-то церемонно полонился. – Я договаривался...

Однако с кем и о чем я договаривался, договорить мне не пришлось. Поскольку, предлагая не сотрясать криками воздух, Варвара по-королевски красиво и в той же степени загадочно поднесла к своим губам тонкий указательный палец: «Тсс!»

«Ага, - дошло до меня, - шуметь в этом доме не принято. О кей. Помолчу, думаю, вам и так известно о причинах моего здесь появления».

Меж тем странная Варвара приподнялась на носках и, вытягивая шею, посмотрела мне за спину.

-Это – Нина. Она со мной, - прошептал я, опомнившись. Спешно обернулся к застрявшей между лестничной площадкой и квартирой спутнице, нервически потряс перед ее лицом кистью руки, дескать: «Входи! Давай, входи!», и, пропустив вперед, закрыл за нами дверь.

На тишайшее Нинино «Здарсьте» Варвара так же не сказала ни слова, лишь едва заметно кивнула и, плавным жестом поманив нас за собой, направилась вглубь квартиры.

Первый раз в жизни я оказался в мастерской художника... и был поначалу чуточку разочарован. В моем представлении это необыкновенное помещение, где происходит чудо, где рождаются произведения искусства, должно было выглядеть несколько по-иному, не так, как у отца.

Абстрактная мастерская абстрактного художника виделась мне гигантским, многоуровневым ангаром. Вместе со своим содержимым она обязана была производить ошеломляющее на постороннего человека впечатление. Как, скажем, какой-нибудь звездолет из фантастического фильма. Да, наверное, именно так: мастерская художника представлялась мне чем-то средним между Энтерпрайзом и авиационным ангаром. С пандусами, лестницами, ширмами-перегородками, многометровыми скульптурами и, разумеется, множеством картин. Готовых и незавершенных. В рамках и без. На стенах, на мольбертах, даже на полу.

Ну хотелось мне, чтобы у меня самого была подобная ангар-мастерская! Чтобы было, где размахнуться и создать «во-о-от такущее» громадное полотно! Полотнище. Могучее, эпохальное, вроде «Возвращения Минина к нижегородцам» или «Явления Христа народу». А то и вовсе – новую панораму Бородинской битвы!

Конечно, я знал, что отец не скульптор, и в мастерской точно не будет бронзовых коней и мраморных дискоболов. Я также знал, что он не баталист, и вообще, свои фантазии мне следовало усмирить еще на подходе к его обыкновенному многоквартирному дому – где тут место для ангара-звездолета?

Только «на подходе» я был занят своими душевными переживаниями, поэтому не подготовился. Вот и оказался удрученным отцовской мастерской. В первую очередь - ее одномерностью и незамысловатостью: ни ярусов, ни пандусов. Вообще ничего замысловатого, сплошной аскетизм. Это потом я всё переосмыслил и понял, что там и не должно было быть ничего лишнего, отвлекающего от работы, а сперва, не разобравшись, капризно сморщился: «Как все просто!»

А насчет размеров мастерской... Все-таки это была очень большая комната. Не меньше школьного класса. И высокая. Только оказавшись в ней, я заметил, какие в этом «обыкновенном» доме потолки – метра четыре точно! Порхавшая возле люстры бабочка казалась недостижимой как звезда на Спасской башне. Поднебесье! То-то мы так долго поднимались на шестой этаж.

Здесь многое было крупнее обыкновенного. Большой мольберт, большое плетеное кресло, более чем приличных размеров письменный стол в углу. Даже единственный в комнате стул и тот оказался барным, высоченным.

Про окна и говорить нечего! Два громадных окна, сцепившись друг с другом открытыми настежь створками, занимали почти всю боковую стену. И через них в мастерскую лились тонны солнечного света, превращая ее в каюту опустившегося на дно медового океана корабля. По потолку плавали громадные солнечные «рыбы» и нечеткие, похожие на кораллы тени далеких деревьев.

Теплый ласковый ветер гулял вдоль белых стен, на которых и у которых были развешены-расставлены картины. Не очень большие, но и не мелкие. Нормальные. Те, что стояли рядом с дверью были мне по пояс. Думаю, всех их можно было назвать портретами.

Везде присутствовали люди. Лица, фигуры в необычном ракурсе, переплетенные мужские и женские конечности, глаза, губы...

И всё на картинах было таким же ярким и сладким, как льющийся из распахнутых окон солнечный «дюшес». Медно-золотым, оранжево-красно-желтым, безмерно приятным глазу. Не прищуриваясь, можно было легко представить себя разгуливающим по беззаботному южному пляжу. Среди раскованных мулаток, барменов в гавайских рубашках, парящих над сеткой полуголых волейболистов, качающихся на волнах надувных матрасов и закопавшихся в янтарный песок горластых детей.

Отец много рисовал женщин. Разных, но чаще других я заметил знакомое с рождения лицо Ариадны – упрямый подбородок, прославленный орлиный нос, смелый взгляд. Или это была Варвара? Они так похожи.

Стоявший возле окна отец замечательно вписывался во всю эту развеселую «Ибицу». Высокий, широкоплечий, но худощавый и жилистый, загорелый «итальянец». В голубых с прорезами джинсах и простой белой майке, которую за границей неласково называют «wife-beater shirt». Вьющиеся черные волосы, круглая цыганская серьга в ухе и горбатый «багратионовский» нос. Как на фотографиях, что подсовывала мне Ариадна. Двумя пальцами правой руки отец сжимал фильтр догорающей сигареты, а в левой держал прозрачный пластиковый стакан с напитком бордового цвета. Вряд ли с компотом.

Кажется, он о чем-то крепко задумался, как Варвара в прихожей, и заметил пробравшихся в мастерскую гостей не сразу. Обернулся к двери, когда она с негромким стуком закрылась за нашими спинами, а Варвара исчезла. Вот так - не проронив ни слова, выполнила миссию привратника и улетучилась. Явилась из полумрака и в нем же растворилась.

-Привет, – глядя мне в лицо, улыбнулся отец. И приподнял стакан, словно предлагая выпить за мое здоровье.

-Здрасьте, - ответил я.

-О, черт! – отец чуть было не выкинул стакан с бордовым напитком в окно, но опомнился и поставил его на подоконник. Наклонившись, торопливо воткнул окурочек в стоящую на полу пепельницу, выпрямился, вытер ладони о «wife-beater shirt» и широкими шагами устремился в нашу с Ниной сторону. Приблизившись, протянул мне руку и повторил:

-Привет.

-Роман, - сказал я, сжимая его длинные горячие пальцы.

-Лев, - выдохнул отец. Он по-прежнему не отводил взгляда, и мне показалось, что я уже где-то видел его большие серо-голубые глаза: «Определенно видел. И не на фотографиях, а вживую. Как пить дать видел».

Что делать дальше, не знал ни он, ни я. Оба набрали в грудь воздуха, но никак не могли сообразить с какими словами его оттуда вытолкнуть. В общем, два сапога пара – «теленочек» и «трусливый лев».

И здесь надо отдать мне должное, первым затянувшуюся паузу прервал я. Сделав шаг в сторону, повернулся к своей, еще более робкой, прижавшейся к двери спутнице и представил ее отцу:

-Нина Борисоглебская, моя хорошая знакомая.

Отец благодарно кивнул и протянул Нине руку:

-Очень приятно. Не знаю, как Роман меня вам презентовал, но надеюсь, что как художник я вас не разочарую.

-Добрый вечер, - прошептала Нина, потупив взор. Право слово, тургеневская барышня. Роман «Рудин», Ласунская Наталья Алексеевна, черт возьми! И ведь нисколько

не играет. Как она вообще жить будет в нашем неромантическом, мягко говоря, двадцать первом веке? Кому-то надо будет ее за руку водить. Хорошо, если провожатый окажется порядочным, как я человеком.

-А что?.. Вполне может быть!.. – вдруг крайне заинтересовался лицом Нины отец, разглядывая его до неприличия пристально. При этом не спешил отпустить из своих цепких пальцев обмякшую ладонь порядком стусевавшейся гостью.

Однако лукавлю. Совсем не «вдруг» отец заинтересовался Ниной. Для меня не «вдруг». Я надеялся, что так оно и будет.

Просто когда-то я узнал от сбегавшей в Индию Ариадны, что отец давно и безуспешно ищет девичье лицо определенного типа:

-Величавую древнерусскую красоту. Что-то праславянское. Без восточных примесей. Оказывается, исчезает данный генотип. На грани вымирания, - усмехнулась сестра-ехидна.

-Разве? – удивился я. – А все эти конкурсы: «Мисс того-то», «Мисс сего-то». Сколько там всевозможных красавиц.

-Рома, понятия не имею, какая мисс нужна отцу. Знаю, только, что моя красота ему не подходит. Да и больно надо!

Вот я и надеялся, что у Нины окажется то самое, необходимое отцу девичье лицо. И когда он, глядя на мою спутницу, произнес: «Вполне может быть!», жутко возгордился. А то как-то неудобно было являться к нему без подарка.

-Возможно это то, что я искал! – отпустив, наконец, несчастную Нинину руку воскликнул отец и стремительно повернулся ко мне. – Рома, подождешь минутку, хорошо? Не обижайся. Профессиональное. Боюсь упустить. Только сначала скажи: вы ко мне надолго? Сколько у вас времени? Нет, я сам никуда не собираюсь, не в этом дело...

-У нас... - я прикинул, что опера длится где-то около трех часов, потом есть еще, наверное, час, который мы можем гулять, согласно дозволению Нининых родителей. – У нас три с небольшим часа.

-Супер! – закричал отец и бережно дотронулся до плеча «древнерусской красавицы». – Нина, попозируете мне?

И тут же, почувствовав, как потенциальная модель тревожно вздрогнула, торопливо добавил:

-Не обнаженной, конечно! Мне лицо ваше нужно, только лицо. Но до зарезу! Ну, как, согласны?

Нина растерянно кивнула.

-Вот и отлично! - обрадовался отец. Кинулся к стоявшему у окна плетеному креслу и поволок его на середину комнаты, ближе к мольберту. – Садитесь сюда и ничего не бойтесь.

-Как сесть?

-Пока как хотите.

Нина заняла указанное место и, выпрямив спину, окаменела.

-Расслабьтесь! – улыбнулся отец. – Откиньтесь. Хотите посмотреть репродукции картин вашего покорного слуги? Варя, моя супруга... - он покосился на меня, - ...сварганила просто-таки альбомы репродукций моих работ. Сейчас мы достанем этот гроссбух.

Кинувшись к письменному столу, отец стал рыться в его набитых всякой всячиной ящиках и в итоге вытащил на белый свет толстенный, размером с допотопный ноутбук альбом в мягком кожаном переплете.

-Чего тут только нет! Эскизы, наброски, стоящие вещи и просто каракули. Я про половину забыл, а Варюха целую коллекцию собрала. Фотографировала все подряд. Держите, Нина. А еще я вам музыку поставлю. Надо, надо, не сопротивляйтесь. Сейчас объясню, зачем. Вы что предпочитаете? Всё найдем. Хип-хоп? Рэп? Дабстеп? Видите, какие я слова знаю!

Отец рассмеялся.

-Блюз, - попросила Нина.

-Блюз?! С ума сойти! Да вы наш человек, Нина! Не ожидал подобного выбора. Блюз, это замечательно. Этак нам и интернет не понадобится – у меня такие диски имеются, закачаешься! Только слушать их вам придется в наушниках, не обессудьте. Не долго, не переживайте. Поверьте, это не для того, чтобы вы не слышали нашего с Романом разговора... - отец снова покосился на меня, как бы уточняя: «Ведь мы сейчас с тобой поговорим, правда?» - ...Просто я, когда работаю, имею дурную привычку вплетать в речь нецензурные слова, уж простите. Грешен, сквернословлю. Матерюсь как сапожник. Никак не могу из себя эту мерзость вытравить. Никак. Впрочем, особо и не стараюсь. Чего стараться? Я кроме Варвары мало кого рисую. А ей мое сквернословие по барабану, она глухонемая...

-Что?! – хором поразились мы. Даже Нина голос подала.

-Глухонемая, с рождения. Совсем ничего не слышит, - виноватым тоном, словно извиняясь за обидевшую Варвару природу, ответил отец. – А вы не заметили? Ну да, вы же не успели толком пообщаться, только пришли. Такие вот дела. Зато живем душа в душу! Нас ведь – художника-матрешинника и глухую натурщицу - специально познакомили. О! Это отдельная история. Я тогда еще совсем по-другому рисовал...

Отец обвел взглядом стены мастерской и заметил, что я в отличие от Нины до сих пор стою.

-Рома, садись куда-нибудь! Хочешь, на стол. Хотя нет, погоди, так я тебя видеть не буду. Тащи стул вот сюда к стене, ага...

Отец суетился. Одновременно занимался мной и Ниной, приготавливался рисовать, рылся в ящиках стола в поисках обещанных дисков, разматывал удлинитель, чтобы включить придвинутую к креслу старую запачканную краской магнитола. А я, напротив, совсем успокоился. Взобрался на высоченный стул и обмяк. Мне нравился мой отец, Лев Ааронзон.

-...Ну так вот, когда-то... - отец замер и посмотрел в окно, в бесконечное голубое небо, - ...надо бы сказать «давным-давно», а для меня – как вчера. Всё как вчера: «В тютбетейке со ртом до ушей это я на верблюде...» А! Сантименты. Когда-то, когда вас еще не было на свете, я рисовал другие картины. Был маринистом. Знаете, кто такой маринист? Пишущий марину. Не девушку Марину, а морской пейзаж. Как ни как я у моря родился. Море, друзья мои, – великая сила. Бешенная энергетика. Вот чего мне в каменных джунглях не хватает, так это моря. У меня друг есть, он волгарь. Ему большая река за окном нужна, он ее энергией питается. Я ему пару своих ранних работ подарил, там воды вдоволь. А другой знакомый в горы каждый в отпуск летает. От гор заряжается жизненной силой. Мне же море подавай. Реки и озера как таблетки, когда совсем не вмоготу, а море - волшебный эликсир, полная перезарядка. Обязательно раз в год рву когти туда, где оно... Однако море морем, а кормиться пришлось иными видами. К сожалению. Спрос на марины мизерный. Куда меньше, чем на ведуту...

Я не стал перебивать отца и спрашивать, что такое ведута? Зачем? После посмотрю в интернете. Мне было приятно слушать его мягкий чуть картавый голос, сидеть на

высоком барном стуле спиной к оранжевой, похожей на Ариадну девушке, дышать теплым, пропитанным красками воздухом настоящей мастерской. Между лопаток время от времени пробегали приятные мурашки, и я боялся вмешиваться в происходящее. Опасался «всё испортить» одним неосторожным движением или словом. С блаженной улыбкой на лице я тонул в золотисто-медовом океане и не хотел выныривать на поверхность.

А Нина не торопилась затыкать уши блюзом и открывать лежавший у нее коленях «альбомиче». Зачаровано смотрела на отца, как трехлетняя девочка смотрит на доброго, рассказывающего сказку дедушку: «Жил-был принц, и хотелось ему взять себе жены юную прелестную принцессу...»

-...Постепенно я стал работать на заказ, - отец, наконец, окончательно обосновался у мольберта и начал рисовать. - Только на заказ. Превратился в меркантильного комформиста. Приноровился подстраиваться под чужие вкусы и запросы. Впрочем, именно тогда впервые меня коснулись лучи славы. Ничего не поделаешь, но признание и основной капитал я заработал на изображении промышленных объектов. Поначалу - будучи каким-никаким маринистом - рисовал рукотворные гидротехнические сооружения по берегам всевозможных водоемов. Географию в школе проходили?

Мы с Ниной кивнули.

-Видели в учебнике «Утро на Токтогульской ГЭС»? Ну, вот это я рисовал. Кому это было нужно, спросите, кто за это платил? Новые хозяева жизни. Впопыхах народившаяся буржуазия. Родная, росейская и из ближнего зарубежья. Скороспелая, недоучившаяся, а потому плохо разбирающаяся в искусстве. Больше платили на Востоке. Новоявленные шейхи, султаны. Платили за то, чтобы я - в масляных красках и на таких же исполинских, как обещанные гонорары, холстах - увековечивал их свежеприобретенные владения: цветущие (некогда колхозные) поля, пастбища, орошаемые замечательными каналами (в прошлом - ударными комсомольскими стройками), консервные заводы, нефтеперегонные станции, тучные стада баранов и трубопроводы. Я месяцами не вылезал из Средней Азии... Дыни, дутары, ароматный плов, чаши полные халвы, пахлавы, чучхела и прочая шаурма. Грациозные Гюльчатаи своими маленькими ножками выделывают замысловатые па на пестрых бухарских коврах вокруг моего мольберта. Сказка. Тысяча и одна ночь... Между прочим, весь немаленький гонорар за свою первую же ориентальную картину (как сейчас помню: «Уважаемый Х.Фазылов инспектирует Чарвакский гидроэнергетический узел») я переслал в пользу своего новорожденного сына... Что же вы, Нина, музыку не слушаете? Заболтал я вас, одевайте наушники, думаю, вам наши семейные дела не совсем интересны.

Нина безропотно одела наушники, и раскрыла альбом.

-Твоя девушка? - отец посмотрел в мою сторону.

-Нет. Хорошая знакомая.

-Понятно. Друзья-женщины, это отличные друзья. Всегда помогут в щекотливом вопросе. Хотя это хорошо, когда вы взаимно друзья. Понимаешь? А то у меня был случай. Я в девушку влюбился, а она во мне только товарища видела. Не стеснялась подробностями интимной жизни делиться, представляешь! Будто я ее подруга... Слушай, прости! - отец неожиданно прекратил рисовать, резко выпрямился и всем телом повернулся ко мне. Как солдат по команде. - Я тебе ничего сказать не даю. Болтаю без остановки. Несу какую-то околесицу. Ты ведь хочешь меня кое о чем спросить, да?..

Но я не хотел ни о чем спрашивать! Поэтому с досадой закусив нижнюю губу, замахал руками: «Нет, нет! Всё о кей! Всё нормально! Говори, говори!» Как глухонемой вроде Варвары. Хотя она, думаю, когда с отцом изъясняется рожки не корчит и как клоун руками не трясет.

Отец понимающе улыбнулся.

-Всё о кей? Хорошо. Только с чего я начинал? А, вспомнил! С того, как нас с Варварой познакомили. Специально. Ее ко мне привела одна моя хорошая знакомая. Катерина. В школе вместе учились, землячка. Зачем Катерина ко мне Варвару привела? Интересная история. Это уже гораздо позже моих Ферганских скитаний случилось. Лет шесть назад... Или семь? Нет, шесть. Мне тогда, как когда-то Токтогульскую ГЭС, а с ней кучу других дорогостоящих объектов, доверили «воспеть» новую вершину отечественной инженерной мысли – очередной мост над рекой Окой. Вбухали в этот мост денег не меряно и до кучи решили отметить окончание строительства всем, чем душа пожелает: фейерверком, выступлением симфонического оркестра и масштабным полотном художника Ааронсона.

Только никак не получалась у меня эта картина. Сроки безудержно поджимали (строители, как назло, совершали трудовой подвиг), а она, гадость такая, не получалась! И мост как жизнь моя кривой...

Отец усмехнулся и продекламировал:

-Что-то воздух какой-то кривой

Так вот выйдешь в одном направлень

А уходишь в другом направлень

Да и не возвратишься домой...

Потом быстро вернулся из мира поэзии в мир воспоминаний:

-Прости, нахлынуло. И мост, значит, кривой, и самое главное, все время казалось, что чего-то к нему, убогому, не хватает. Короче - творческий кризис.

Отец рассмеялся.

-Хоть раз в жизни каждого русского живописца, Рома, имеет место быть глубокий творческий кризис. И самое обидное, нередко он приходится на период выполнения ответственного госзаказа. Как дефицит солярки в уборочную страду. Положа руку на сердце, скажу, что подобные передряги со мной случались и до того. Поэтому я не растерялся и для начала использовал проверенное народное средство - запил на неделю в надежде обрести вдохновение. Как там у барона Мюнхгаузена: вскочил верхом на ядро и лихо понесся вперед.

Ты уж прости за такие откровения. Пил. Не скрою. А чего скрывать? Жил и живу принародно, у всех на виду. Сейчас основательно забросил это поганое дело, а раньше, до того, как с Варварой познакомился, хвост зеленого змия из рук не выпускал. Думал, только под градусом по-настоящему творить могу. Хемингуэевщина.

В общем, запил я тогда крепко, а оно не помогло. Не работало. Во дела!

Решил не кочевряжиться, и пошел за помощью к друзьям-коллегам. Спасите, одолжите идею, сроки же горят! Сначала все традиционно и, как ты понимаешь, с опозданием стали предлагать мне уйти в запой. Потом посоветовали обратиться к старым удачным работам, ну, или, в крайнем случае, бесстыже подсмотреть у классиков.

И только абстракционист Ленья Липкин дал по-настоящему дельный совет. Выручил. Хороший человек Ленья. Если захочешь, познакомлю. Он к январю выставку готовит, придешь – пообщаетесь, он молодежь любит, у самого сына то ли семнадцать, то ли восемнадцать.

Ну, вот, «Ты забыл про людей!» – посмотрев на мою «бесчеловечную» картину, сказал Ленья. Я, понятно, первым делом оскорбился, типа: «Сам-то ты, Липкин, когда о них, о людях помнил?» В самом деле, на Лениных картинах человек если и присутствует, то мало чем от прибитого комара отличается.

Отец скрючился, высунув язык - изобразил прибитого комара. Я засмеялся.

-Ага, - подмигнул отец, - сначала обиделся, но потом – слава Аллаху, очень быстро - с восторгом и упоением осознал, насколько Леня прав. На моей мостостроительной картине, действительно, не хватало человека. Одних железяк было недостаточно...

Отец наведаясь к подоконнику и отхлебнул бордового напитка.

-...Свою «мостостроевку» я увидел во сне. Сразу, как только выпроводил надоевшего нетрезвого Липкина и одухотворенно уснул. А во сне мне явилась девушка - хрупкий ангел с голубыми глазами и в легком розовом платье, что совершенно не вязалось с моим закореневшим к тому времени техницизмом. Стыдно признаться, но даже твою маму, пока мы были женаты, я не то, чтобы ни разу не нарисовал, в снах-то не видел...

Отец неожиданно безвольно опустил руки, в очередной раз повернулся в сторону раскрытого окна, а после короткой паузы заговорил совершенно другим голосом. Не бодрым, не живым, а сухим и ломким, как годами лежавший в книге кленовый лист.

-...Обижал я ее, Ром. Понапрасну. Хоть тебе это скажу. Ариадне говорил и тебе скажу: «Не прав был!» И перед вашей мамой покаялся бы, да она меня слушать не хочет. Конечно, на кой ей сейчас мои извинения? Раньше надо было думать. А теперь вспоминать противно. Каким я был самовлюбленным павлином, ... ! - у отца вырвалось короткое, первое за весь разговор нецензурное слово. - Ни о чем, кроме как о себе, о своем долбанном «искусстве» не думал. Стыдно...

Я вновь досадливо закусил нижнюю губу. Негаданно изменившееся течение подхватило и понесло меня со дна елейного медового океана к беспокойной, обдуваемой холодными ветрами поверхности. А мне этого совсем не хотелось. «Господи, не надо! - заняло мое успевшее расслабиться сознание. – Ну, не на-а-а-адо!»

И небеса не остались в стороне, пришли на помощь.

Прерывая отцовское самобичевание, отварила дверь, и в мастерскую вошла Варвара. В руках она несла поднос с тремя высокими стеклянными стаканами, запотевшими, полными звонких кубиков льда в таинственно-изумрудной жидкости. Кроме того на подносе стояла большая тарелка с печеньем.

-О! Умница, Варюха! – воскликнул возвращенный к жизни отец. – Догадалась, что гостей потчевать положено. И не байками, как я, старый пустозвон. Что это у нас? Лимонад? Лимонад!

Наклонившись к Нине, он прикоснулся указательными пальцами к своим ушам:

-Нина, снимайте наушники. Угоститесь печеньем и обязательно отведайте лимонада. Не бойтесь его смарагдо-малахитового цвета! Никаких красителей, боже упаси! Натуральные травы: тархун, чабрец, мята... Вообще-то, я не знаю, что там понамешено, но безумно вкусно. Варвара сама готовит. Отведайте, не пожалеете. Заодно дослушаете историю, как я с ней, с моей дражайшей супругой познакомился.

Он метнулся к жене и ласково ее приобнял. Варвара признательно склонила голову, но задерживаться в мастерской не стала, быстро освободилась из отцовских объятий, раздала стаканы со смарагдовым лимонадом и испарилась.

-Я рассказывал Роману о том, как рисовал картину с мостом, а она у меня не получалась, хоть тресни, - обращаясь к освободившейся от наушников Нине, продолжил отец. Слава богу, нормальным, ожившим голосом. - И тогда я решил добавить в нее человека. Девушку. Для чего пошел к Кате. Катя – мой старый верный товарищ, криэйтор на подхвате и неплохой модельер. Только Катя могла найти мне подходящую натурщицу. Я давным-давно... или, если быть совсем уж откровенным, никогда людей не рисовал. Только во время у учебы. В общем, все навыки, а главное, связи утратил, понятия не имел,

где другие художники натурщиц берут. Да мне и не всякая подошла бы. Требовалась именно та, что приснилась. А Катя знала половину девушек в городе и могла помочь.

Хотя сначала она искренне удивилась моей просьбе, сказала: «Лева, на мосту тебе нужен строитель в комбинезоне. По определению – натуральный мужик. Чего ты ко мне пришел?»

«Балда! Давно ли ты стала разбираться в искусстве?! – ответил я. Может, так, а может, и матом. Не помню, в конце концов, я находился под воздействием чудесного сна, где через реку Оку по новой дорогостоящей переправе шла девочка с голубыми глазами в легком розовом платье. В общем возмутился: – Чего ты несешь, Катя? На кой мне мужик?»

«Ты сам только что сказал, что рисуешь мост!» - продолжала упорствовать Катя. Упрямая баба. Бесценная, но упрямая.

«Да хоть доменную печь! – ответил я ей, бестолковщине. – От мужика в комбинезоне разит чесноком и соцреализмом. Хуже не придумаешь. В общем, Катерина, мне нужна голубоглазая девушка, и точка!»

И Катя нашла Варвару. Но не на модельных подмостках, а на специальном производственном комбинате для плохослышащих и инвалидов по зрению. Только Варя - девушка необычная. Всегда стремилась среди нормальных людей жить. Даже в супермаркет устроилась – пыталась приспособиться. На коробках с тортами ленточки завязывала. Уволили паразиты – у них, видите ли, весь персонал обязан ходить в униформе с надписью «Обратитесь ко мне за помощью». А такого рода одежда Варваре однозначно не идет. Зато глухонемая Варвара оказалась лучшей из натурщиц. Во-первых, она не слышала, как я лаюсь, а во-вторых, мы подходили друг другу внешне.

Широко улыбаясь, отец свободной левой рукой «нарисовал» на своем лице воображаемые контуры огромного носа.

-Она на Ариадну похожа, - сказал я.

-Обратил внимание? Они удивительно похожи! Хотя пару-тройку лет назад это не бросалось в глаза. Тогда Ариадна еще не женщиной была, а так, нахохлившимся птенцом. Помню, ей шестнадцать было...

-Как мне сейчас.

-Да?.. Прости.

-За что?

-За эти шестнадцать лет, - чуть помедлив, ответил отец.

Он опять прекратил рисовать, ссутулился и пошел к любимому окну. Залпом осушил стакан с остатками бордового напитка, после чего превратился в соляной столб.

Черт, снова сбой программы! Однако теперь на чудо, на спасительное появление Варвары надеяться не приходилось. Поэтому я спрыгнул со стула и двинул в сторону отца, собираясь лично привести его в чувство, вернуть на «Ибицу», в мир приятных воспоминаний, мулаток, полуголых волейболистов и нас с Ниной. Пошел навстречу вечернему солнцу... но на полпути остановился. Когда поравнялся с мольбертом, невольно бросил взгляд на рисунок отца и пораженный замер.

-Здорово! – вырвалось у меня само собой.

Отец обернулся:

-Брось! Чего тут здорового? Я еще ничего не нарисовал. Что ты тут видишь?

«Что вижу?» Отмалчиваться ни в коем случае было нельзя, и я - предварительно попросив Нину надеть наушники - твердо, словно разговариваю сам с собой, ответил:

-Я вижу портрет симпатичной девушки с радостными глазами. Радостными от того, что она находится в гостях у интересного человека, в мастерской настоящего художника,

где еще никогда прежде не была. А для меня непостижимо, как ты сумел передать ее счастье несколькими короткими штрихами!

В этот момент обессиленная, уставшая кружить под потолком бабочка спустилась с заоблачных высот и пристроилась на рамке мольберта.

-О! Сколько у меня сегодня гостей, - улыбнулся отец. – Люди, звери... Спасибо за похвалу, Ром. Приятно. Кстати, ты принес свои рисунки?

Я подошел к двери и поднял оставленную возле нее папку.

-Отлично. Клади на стол. Как предпочитаешь - чтобы я их сейчас посмотрел или потом, когда ты уйдешь? Почему спрашиваю? Не всем нравится, когда их работы при них рассматривают.

Я пожал плечами – мне не то, что бы было все равно. Хотя, наверное, сегодня слышать критику в свой адрес не хотелось. Лучше потом, да и будет повод еще раз встретиться с отцом.

-Потом? Правильно, – понял мое желание отец. – В самом деле, зачем торопыжничать? Посмотрю без спешки. А когда у тебя еще раз найдется для меня время, мы всё всесторонне обсудим. Да?

Я кивнул.

-Ну, и хорошо. Так всем легче, - он положил ладонь на папку с моими рисунками. – Не знаю, что там у тебя, но я правдолюб в кавычках и страшный зануда... Правда, она ведь многолика. Я же иной раз необдуманно наговорю человеку гнусностей, опрометчиво полагая, что правду-матушку глаголю, после разберусь в себе, в своих потемках, пойму, что нефига не прав, а поздно – ничего не исправишь. Человек-то обиделся. Крепко и справедливо. Я, правдолюб эдакий, твою маму подобным образом часто обижал. Оттого она от меня и ушла. Наверное. Думаю, что из-за этого. Сама она не объяснила. Хотя чего тут объяснять: из-за моего занудства, себялюбия и словоблудия ушла. Это же попытка жить с таким человеком как я. Эх, ну да что теперь!..

На этот раз отец сделал над собой усилие и самостоятельно, без посторонней помощи отогнал набежавшую на лицо тень.

-...Теперь у меня есть Варвара. Гордая, но глухонемая. Она меня не слышит и счастлива! И я счастлив! Бывает, наговорю ей гадостей, она чутьем, конечно, понимает, что я черт знает что наплел, но молчит. Блаженно как богородица улыбается, ждет, стены рассматривает или пейзаж за окном. Через десять минут я уже на коленях ползаю, грех замаливаю. А она всё улыбается. И прощает. Прощает даже то, как безбожно я ее имя коверкаю, - он улыбнулся. Да уж, наверное, любой, самой покладистой Варваре не очень понравились бы отцовские «Вагя», «Вагюша» и «Вагвага». - Я после того, как ее встретил, больше ни одной переправы не нарисовал. Ни одной сваи, ни единого кирпича. Закончились производственно-строительные будни, наступил карнавал.

Он раскинул руки и довольным взором обвел мастерскую:

-Пишу, что хочу.

Потом быстро без пауз, на одном дыхании выпалил:

-Виноват я перед тобой, Ром, ох, как виноват! Я эту свою вину еще лет пять назад осознал, когда с Ариадной стал общаться. И ведь не я тогда первым на контакт пошел! Глупец! Она меня нашла. Нашла, отругала, расплакалась. Я же первые годы еще как-то себя оправдывал: дескать, сам никого не бросал, не выгонял, жена по собственной воле ушла. Ушла, когда ты еще и не родился. Даже придумал себе, что ты не мой ребенок. Вот сволочь, да?! Выдумал, что твоя мама от меня к другому, якобы твоему настоящему отцу ушла. Дурак! Скотина! Себя оправдывал, других очернял. Мой ты сын, конечно, мой! Я это понял, как только мне твои фотографии Ариадна показала. Едва твои глаза увидел. Я же твои глаза каждый раз в зеркале вижу.

Точно, черт возьми! Вот откуда мне знакомы отцовские серо-голубые глаза! И я их каждый день в зеркале вижу!

-Пап, - негромко сказал я. – Я тебя ни в чем не виню.

-Уверен? – с надеждой спросил отец. - Спасибо. Ты молодец все эти годы держался, мне Ариадна говорила. Тебе не врал про погибшего летчика и прочей чушью не пичкали, а ты не особо грустил. Не дразнили, что безотцовщина? Нет? Ну, и на том спасибо этому жестокому миру. А, знаешь... Эх, каяться, так каяться!.. Я ведь не только с тобой себя по-свински вел. Родителям своим – деду твоему и бабушке - столько хлопот доставил. Чего им только из-за моих глупостей пережить ни пришлось.

-Они... живы? – осторожно спросил я, внезапно осознавая, что у меня должны быть еще одни бабушка с дедушкой. Ариадна про них мне ничего не говорила.

-Живы, слава богу, живы! И давно простили меня. Только мне от этого не легче! Столько горя родным людям причинил. Эх, «разбить бы вдребезги, чтоб набело срослось...»

Он помолчал, а потом неожиданно, очевидно желая повернуть разговор на другую тему, стал рассказывать о себе молодом, юном:

-Знаешь, принято считать, что ребенок должен хотеть быть представителем какой-нибудь профессии: «Я бы в летчики пошел, пусть меня научат». Я у себя подобных желаний не помню. Зато отлично помню, что хотел быть грузином. Грезил скакать на вороном коне в каракулевой бурке. В папахе на глазах, в мягких остроносых сапогах и, обязательно, носить пышные черные усы: «Асса!» Еще должны были быть кинжал на поясе и газыри на груди. Конечно, это сейчас я знаю такое слово «газыри», тогда, разумеется, не знал, но без них настоящего грузина себе не представлял.

Из чего, из каких образов слепил я тогда своего грузина? Уже не помню. Наверняка я был убежден, что грузины - самые отважные люди на свете. То есть, наивысшей точкой отваги я полагал безудержный галоп по горной каменистой дороге. И думается, не важно, с какой целью: гнаться ли за кем-либо или от кого-то удирать.

Почти ничего не помню из своей детской жизни. Все, что осталось - ничтожно короткие сюжеты, обрывки старой «киноленты». Потертые, поцарапанные, с треском вместо звука. Кто-то куда-то идет, кто-то улыбается, кто-то плачет. Вот я и мама, твоя бабушка, загораем на синем покрывале, лежим в высокой, напигованной кузнечиками траве, на лугу. Спустя несколько лет на этом лугу будет построена школа, куда я пойду в первый класс. Вот я сижу на письменном столе, папа натягивает на мои вертявые ноги колготки, собирает в детский сад. Рядом - катушечный магнитофон «Тембр» из которого доносится голос Эдуарда Хила: «Потолок ледяной, дверь скрипучая...»

Папа жил в Грузии, служил в армии в Батуми. Думается, он рассказывал мне что-нибудь про грузин. И вообще, он сам был немножко похож на грузина – поджарый, такой же как у меня нос с горбинкой, темные волосы. Усов, правда, не носил и даже окал, потому что в раннем детстве жил в деревне на Волге. Его туда, подальше от войны родители спровадили. Поэтому он смешно окал. Не как Максим Горький, а чуточку: «пОшел, кОгда, хОрОшо».

Только, вряд ли я знал тогда, как должны говорить настоящие грузины, с каким акцентом – даже «Мимино» на экраны еще не вышел. Кстати, про кино: в принципе, что-то «грузинское» я мог позаимствовать оттуда. Скажем, из фильма «Свинарка и пастух». Смотрел? Да, пастух Зельдина был дагестанцем, а Батуми – это Аджария, но в моем розовом детстве это стопроцентно не имело значения.

Были ли у меня знакомые живые грузины? Нет. Точно нет. Не помню ни одной фамилии, чтобы на «дзе» или «швили» оканчивалась. Ни среди друзей, ни среди соседей...

Выходит, лет до семи мне не хватало отваги. Иначе, зачем нужно было становиться грузином? А потом... потом я хотел быть американцем. Хотя нет, не так быстро.

Американцем я захотел быть лет в четырнадцать-пятнадцать. Кем я представлял себя в промежутке между семью и четырнадцатью годами? Французом! Наверняка французом. Как раз вышел фильм «Д'Артаньян и три мушкетера» с Боярским, а «гасконец» Боярский от моего усатого грузина недалеко ушел.

Затем... затем в жизнь ворвались «вражеские голоса». Как весна после долгой опостылевшей зимы. Воздух, свежий воздух. Ворот и душа нараспашку.

Настали ночи в обнимку с привезенной отцом из Риги магнитолой. ВЭФ-Сигма-260, на всю жизнь запомнил! Вечер - со Стейнбеком, Фолкнером, Фицджеральдом, ночь - с Радио Свобода и Голосом Америки. Я знал карту Соединенных штатов как нашу квартиру. Мысленно жил то в Калифорнии, то во Флориде, то в Детройте, наведывался в Чикаго, Нью-Йорк, на Аляску, плавал к Гавайским островам.

С лацкана школьного пиджака слетела комсомольская атрибутика, ее место занял круглый значок-флаг США с какой-то выставки. Я стал антикоммунистом. Еще было нельзя, но все к тому шло, поэтому меня терпели. Я написал письмо на Голос Америки, и его прочли в одной из передач! Я написал в посольство США, и мне прислали стопку журналов на общие темы. Что я писал в тех письмах? Восхищался. Родину, думается, не ругал (иначе письма не дошли бы до адресатов), но точно давал понять, что за океаном жить лучше. Конечно, я не знал, каково там жить. Мой оголтелый американизм был порождением юношеского максимализма, великолепной американской литературы, брезгливости к советской пропаганде - слишком яростно она контрастировала с окружающей реальностью, ну и завистью. Завистью, к тем, кто родился в той свободной, насколько я понимал, стране. Свободы мне явно не хватало. Я завидовал артисту Крамарову, жалел академика Сахарова и себя.

А ведь это при том, что не было еще ни голливуда, ни интернета, ни иномарок на улицах, а телевизор и радио трывдели о съездах, пленумах и тружениках села. Однако были районная библиотека, ВЭФ-Сигма-260, Высоцкий, подписка на журнал «Иностранная литература» и пара-тройка друзей, смотревших на мир такими же глазами.

Потом... не сразу, конечно... наступили сумерки. Утренние или вечерние, не важно. Надолго наступили. Я работал, спал, выпивал, снова работал. Не помню, мечтал ли о чем. Американцем не стал. Сразу по молодости не уехал, а потом... потом было поздно, многое держало и продолжает держать...

Отец говорил и рисовал. То бросал попеременно на Нину и на мольберт короткие цепкие взгляды, то, наоборот, подолгу не отводил глаз от своей работы или натурщицы. А она, натурщица, безропотно слушала блюз и штудировала придавивший ее к креслу альбом. Старалась не шевелиться, только изредка поднимала на художника кроткий взор. И если их взгляды пересекались, быстро опускала голову. Отца это сместило, и он невольно улыбался, даже если говорил в этот момент серьезные вещи.

-...Теперь мне под пятьдесят и я стал настоящим философом, - отец комично выпучил глаза: «Вот такие дела!» - Если и грущу, то с улыбкой. Ощущаю себя евреем. Побитым жизнью, взрослым евреем. Потом, возможно, стану старым и дай бог мудрым евреем. Отчего-то мудрость у меня ассоциируется не с седобородыми христианскими старцами, буддийскими монахами и индейскими вождями, а с обыкновенными еврейскими стариками, как мои родители.

-Мама, наверное, любила в тебе как раз «американца», - заметил я. - Если уехала в Америку устраивать личную жизнь.

-Устраивать личную жизнь?

-Ариадна так думает.

-Ну что ж? Дай-то бог. Дай-то бог.

Сидя в Нью-Джерси, в Айронии, тихой, пустой деревеньке,
глядя, как гуси над нею летят из Канады,
я опускаю в копилку, как медные деньги,
темные дни, и, пожалуй, иного не надо.

А насчет национальной принадлежности или национальных предпочтений... Национальность, Ром, вещь призрачная. Многое зависит от среды, в которой воспитываешься. Кто-то про гены говорит, но что это – гены? Я лично их не видел, не щупал. Мне кажется, люди пытаются объяснить сложные, загадочные вещи, особенно те, с которыми сталкиваются впервые, набором имеющихся у них терминов, значений. Понимаешь? Вот гены. Якобы - носители информации. Это человек так решил. Поскольку у него есть компьютер, а в нем файлы всякие, эти самые носители информации. Вот он и в природе, в живом организме ищет тоже самое. Впрочем, я во всем этом профан с большой буквы П.

Однако кое-что от отца мне досталось... Да и тебе, наверное... «Кое-что»! Не «кое-что», а самое главное – умение рисовать и даже, не побоюсь этого слова, талант художника. Нескромно, ну и пусть. О том, что у меня талант я сам читал, в одном уважаемом журнале. А у нас, как говорится, зря не пишут.

Отец, думаю, мог стать художником. Не сложилось. Если б он, как я с малых лет в художественную школу ходил, да к хорошему педагогу... Только ведь какое им, нашим старикам детство досталось? Какая там художественная школа! Отец до института в ремеслухе учился, на заводе слесарил, в армии сапоги топтал. Хотя о том, чтобы стать художником, он и не думал. О море мечтал. О кораблях, штормах, далеких островах. По зрению в моряки не прошел. Не повезло. Зато у нас на даче настоящая яхта была, представляешь! Маленькая, класса «кадет», но яхта. Ее отец сам сделал, своими руками! И мачту выстругал и парус сшил, все сам, по каким-то там чертежам из «Моделиста-конструктора».

А почему я решил, что он художником мог стать? Видел бы ты, какие он трафареты вырезал! Какие там узоры выдумывал! Тадж-Махал! Бухарские мавзолеи! Я ж эти узоры потом у него воровал, когда свои среднеазиатские халтурки наспех дорисовывал, когда колориту восточного не хватало, а на натуру выезжать времени не было. Просто вспоминал отцовские трафареты и копировал!

Еще он гравюры на фанере вырезал и корнепластикой занимался. От нечего делать, ёканный бабай! На досуге, представляешь? В свободную минуту! Иные за подобные, а то и хуже скульптуры членами Союза художников становятся, а он свои «коряги» знакомым дарил и на даче на стенки вешал. Знаешь, что такое корнепластика? Природная скульптура. Из корней, сучьев. Подмечал, что некоторые ветки на живых существ похожи - на змей, на птиц? А отец в корягах умудрялся людей рассмотреть, драконов... этих, как их там?... моржей, дельфинов, кенгуру! Бывало, принесет из леса фиг знает что - «Мусор всякий!», как мама, бабушка твоя говорила - шкуркой обрабатает, мастикой, лаком покроет, на подставочку поставит, и вот - перед тобой не кривой подгнивший корень, не «мусор всякий!», а старичок с котомкой, русалка или птица хищная. Смотришь, и мама уже не ругается, а любитесь...

-Я приеду к ним, - сказал я.

-Правда? – с надеждой посмотрел на меня отец. – Они о тебе спрашивают. В августе у них изумрудная свадьба – пятьдесят пять лет. Ариадна обещала быть.

-Мы приедем.

-Но ты же за границу уезжаешь. К маме?

-Нет. Не знаю. Сначала хотел в Индию.

-К Ариадне?!

-Сам по себе.

-Ух ты! А не рановато одному по миру бродить? Хотя, что я за советчик! Отец липовый! Сам в пятнадцать лет из родительского дома сбежал, в художественное училище поступать поехал. Так что, если позвала дорога... езжай! Жизнь, она ведь как парк аттракционов. Кто-то весь век трусливо у ворот сидит, пирожками торгует, а кто-то спешит везде побывать, на каждой «карусели» прокатиться. Выбирай!..

-Ты что будешь в каникулы делать? – спросила Нина, когда мотоцикл остановился возле ее дома.

Я пожал плечами. Что буду делать? Как стану жить? И вообще, кто я такой, «русский принц» Роман Телятевский? Сучок окаменевшего ствола или легкое воспарившее семечко?

-Знаешь, меня ждет Дорога.

-Дальняя?

Я снова пожал плечами.

-Ясно, - вздохнула Нина. – Только возвращайся. Я тоже буду ждать.